

шаробание

Джулия Гарвуд

*Роковое
сокровище*

Тайна

Джулия Гарвуд

Роковое сокровище

«АСТ»

1999

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Гарвуд Д.

Роковое сокровище / Д. Гарвуд — «АСТ», 1999 — (Тайна)

ISBN 978-5-17-110612-6

Пал в бою отважный король Ричард Львиное Сердце, и Англия оказалась в когтях жестокого принца Джона и его жадных клевретов. Многие достойные рыцари пали их жертвами, в том числе и отец юной леди Джиллиан. Однако безжалостный барон Элфорд, осиротивший Джиллиан, когда она была еще ребенком, так и не заполучил семейное сокровище ее семьи, за которым охотился... Прошли годы. Джиллиан выросла в прекрасную девушку, покоровшую сердце бесстрашного шотландского лэрда Бродика Бьюкенена. Но хватит ли у нее и ее возлюбленного сил бросить коварному барону Элфорду, все еще не утратившему надежды завладеть бесценной реликвией, открытый вызов?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-110612-6

© Гарвуд Д., 1999
© АСТ, 1999

Содержание

Пролог	6
Глава 1	18
Глава 2	28
Глава 3	40
Глава 4	53
Глава 5	60
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Джулия Гарвуд

Роковое сокровище

Julie Garwood
The Ransom

© Julie Garwood, 1999

© Перевод. Т. А. Перцева, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Пролог

Англия. Времена правления короля Ричарда I

Свои самые грозные удары Рок обычно наносит по ночам.

Так произошло и с Джиллиан. Ее мать умерла задолго до рассвета, пытаясь привести в мир нового человека, а молодая глуповатая служанка, сторавшая от желания стать первой, кто сообщит родным скорбную весть, не нашла ничего лучшего, как разбудить обеих малышей и бесцеремонно объявить, что их дорогая матушка покинула детей навсегда. Не успели они оплакать потерю, как две ночи спустя их снова подняли на ноги и повели, что новорожденный брат Ранульф, названный в честь отца, также скончался. Крохотное тельце, появившееся на свет Божий двумя месяцами раньше положенного срока, не вынесло тягот земного существования.

Джиллиан боялась темноты. Она подождала, пока служанка выйдет, и соскользнула с большой кровати, с глухим стуком распластавшись на холодных каменных плитах пола. Потирая ушибленный живот, девочка вскочила и босиком направилась к потайному ходу, ведущему в спальню сестры и к крутой лестнице, кончавшейся туннелем, прорытым под кухней. Ходу, которым ей строжайше запрещено было пользоваться.

Джиллиан с трудом протиснулась за массивный сундук, которым отец самолично загородил узкую дверь в стене, чтобы отбить у дочерей охоту шастать туда-сюда. Сколько раз он твердил, что это семейный секрет, которым можно воспользоваться лишь в крайних обстоятельствах, и, уж разумеется, не для игры. Ведь даже самые преданные слуги ни о чем не ведали, и хозяин замка не собирался открывать им тайну. Кроме того, он справедливо опасался, что дочери могут свалиться со ступенек и сломать свои хорошенькие шейки, и часто грозил задать им хорошую выволочку, если поймает на месте преступления. Так что подобное предприятие считалось не только опасным, но и весьма рискованным.

Но в эту ужасную ночь горечи и отчаяния Джиллиан было безразлично любое наказание. Она вынесет все, и гнев отца и порку. У девочки ныла душа от тоски и страха, а в таком состоянии она обычно искала утешения у старшей сестры.

С трудом приоткрыв тяжелую дверь, Джиллиан позвала Кристен и терпеливо ждала, пока та не протянула руку. Вцепившись в пальцы Джиллиан, сестренка втянула ее внутрь и помогла забраться в постель. Малышки обнялись, спрятались под тяжелым одеялом и горько заплакали, слушая мучительные вопли безутешного отца, больше похожие на вой раненого зверя, разнесившиеся эхом по гулким огромным комнатам. Он снова и снова звал покойную жену, словно надеялся, что она откликнется и вернется. Смерть властной хозяйкой вошла в некогда мирный дом и правила там железной рукой.

Но на этом беды не кончились. Убитое горем семейство даже не успело залечить свои раны, ибо демоны ночи еще не насытились страданиями несчастных и не собирались выпустить добычу из острых когтей. Именно во мраке ночи подлые враги нагрянули в их дом и уничтожили родных Джиллиан.

Папа вбежал к ней в спальню с Кристен на руках. Следом появились его преданные солдаты: Уильям, любимец Джиллиан, вечно совавший ей медовые сладости за спиной отца, Лоренс, Том и Спенсер. При виде мрачных, как грозовое небо, мужчин Джиллиан поспешно села, сонно потирая руками глаза. Отец отдал Кристен Лоренсу и поспешил к младшей дочери. Поставив свечу на сундук, он сел рядом с Джиллиан и дрожащей рукой нежно отвел прядь волос со лба девочки. Какой он печальный и усталый! И Джиллиан, кажется, знает, в чем причина.

– Разве мама опять умерла, папа? – встревожилась она.

– Ради всего... нет, Джиллиан, – устало пробормотал Ранульф.

– Значит, она вернулась?!

– Ах, мой милый ягненок, сколько раз повторять? Твоя мама никогда больше не придет. Мертвые не возвращаются. Она на небесах. Постарайся понять.

– Да, папа, – покорно прошептала малышка. Но тут откуда-то снизу до нее донеслись крики, и она только сейчас заметила, что отец в кольчуге и шлеме.

– Ты собираешься сражаться во имя Господа, папа?

– Да. Но сначала я должен позаботиться о тебе и Кристен.

Он потянулся к одежде, заботливо приготовленной на завтра Лайзой, горничной Джиллиан, и принялся торопливо одевать дочь, а тем временем Уильям, опустившись на колени, натянул на Джиллиан башмаки. Раньше мужчины никогда не оказывали ей подобных услуг, и Джиллиан окончательно растерялась.

– Папа, сначала нужно снять ночную сорочку, и пусть Лайза причешет меня, – закапризничала она.

– Времени нет, крошка.

– Папа, а на улице темно?

– Да, Джиллиан, очень, – кивнул отец, накидывая на нее блио¹.

– И мне придется выйти из дома? – испуганно спросила малышка. Отец расслышал нотки страха в ее голосе и попытался успокоить девочку.

– Ты будешь не одна, и взрослые захватят с собой факелы.

– А ты пойдешь с нами?

– Нет, Джиллиан, – громко пояснила сестра с другого конца комнаты. – Папа останется, чтобы вступить в бой за Господа нашего и веру. Правда, папа?

– Тише, – прошипел Лоренс. – Никто не должен знать, куда вы исчезли. Ведите себя тихо, как мышки. Ясно?

Кристен энергично закивала.

– Ясно, – прошептала она. – Я могу быть совсем незаметной, если понадобится и...

– Молчи, золотко мое, – попросил Лоренс, зажимая ей рот. Уильям подхватил Джиллиан на руки и понес по темному коридору в комнату отца. Спенсер и Том шли первыми, с зажженными свечами в руках. Гигантские тени плясали на каменных стенах, в тишине громко стучали каблуки по мощенному булыжниками полу. Джиллиан втянула голову в плечи и прижалась к суровому воину.

– Боюсь этих теней... они как призраки, – прохныкала она.

– Ничего они тебе не сделают, – утешил Уильям.

– Мама! Хочу к маме!

– Знаю, сахарный медвежонок.

Это глупенькое прозвище всегда веселило девочку, и она тут же забыла про все страхи. Мимо протиснулся отец, спешивший открыть дверь в спальню, и она едва не окликнула его, но Уильям приложил палец к губам, напоминая, что нужно молчать.

Едва все очутились внутри, как Том и Спенсер принялись сдвигать в сторону тяжелый сундук, загородивший потайную дверь. Ржавые петли надсадно скрипели и скрежетали, как разъяренный вепрь, которого подняли с лежбища.

Лоренс и Уильям опустили девочек на пол и смочили в масле факелы. Оказавшись на свободе, сестры немедленно подбежали к отцу, рывшемуся в другом сундуке у изножья кровати. Малышки приподнялись на цыпочки и с любопытством заглянули внутрь.

– Что ты ищешь, папа? – поинтересовалась Кристен.

– Уже нашел, – ответил отец, поднимая усыпанную драгоценными камнями шкатулку.

¹ Верхняя одежда, XI–XIII вв.

– О, как красиво! – охнула Кристен. – Можно я возьму?

– И я тоже, – вставила Джиллиан.

– Нет, – покачал головой Ранульф. – Шкатулка принадлежит принцу Иоанну², и я сделаю все, чтобы он получил ее обратно.

Не поднимаясь, он повернулся к Кристен, схватил дочь за руку, подтащил поближе. Та изо всех сил извивалась, пытаясь вырваться.

– Мне больно, папа!

– Прости, дорогая, – сокрушенно пробормотал отец, мгновенно ослабив хватку. – Я не хотел обижать тебя, просто стараюсь, чтобы ты выслушала меня со всем вниманием. Согласна, Кристен?

– Конечно, папа, я уже наострила ушки.

– Молодец! – похвалил Ранульф. – Нужно, чтобы ты взяла с собой в дорогу эту шкатулку. Лоренс защитит тебя и убережет от беды. Отведет в безопасное место, подальше отсюда, и поможет спрятать это проклятое сокровище, пока не придет срок и я не явлюсь за вами, чтобы отвезти шкатулку принцу Иоанну. Но помни, Кристен, ты не смеешь никому и словом обмолвиться.

– А мне? – вмешалась Джиллиан. – Мне можно сказать, папа?

Не обращая внимания на расспросы, отец пристально уставился на Кристен.

– Даю слово, – пообещала она.

– И я тоже, – поспешно заверила Джиллиан, кивая так, что едва голова не оторвалась. Но отцу было не до нее: он пытался заставить Кристен понять всю важность порученного дела.

– Ни одна живая душа не должна знать о нашем разговоре. Смотри, что я делаю. Беру тунику и заворачиваю шкатулку.

– Чтобы никто не увидел? – допытывалась Кристен.

– Верно, – прошептал отец. – Чтобы никто не увидел.

– Но я уже видела, папа, – выпалила Джиллиан.

– Знаю, – вздохнул отец. – О, Лоренс, что я делаю?! Она слишком мала... я чересчур многого от нее требую. Иисусе милостивый, как я могу отпустить детей своих?!

– Я стану защищать Кристен до последней капли крови, – поклялся Лоренс, выступая вперед. – И готов принести обет на святом распятии, барон Ранульф, что никто не прознает про шкатулку.

– Вы можете положиться на нас, барон, – вторил Уильям. – Волос не упадет с головы леди Джиллиан.

Барон устало кивнул, давая понять, что его доверие к солдатам безгранично. На сердце стало чуть легче от сознания того, что эти люди оказались рядом в трудную минуту.

Джиллиан дернула отца за рукав, не собираясь оставаться в стороне. Едва Ранульф отдал Кристен сверток, Джиллиан выжидающе протянула ручонки, справедливо предположив, что если сестре сделали подарок, то и она получит свою долю. Хотя Кристен была на три года старше, отец никогда не отдавал предпочтения никому из дочерей. И несмотря на то что всякое проявление терпения было для Джиллиан почти непосильным подвигом, девочка молча выжидала. Отец привлек Кристен к себе и поцеловал в лоб.

– Не забывай своего папу, – прошептал он. – Не забывай меня.

Он потянулся к Джиллиан. Та бросилась в его объятия и звонко чмокнула в колючую щеку.

– Папа, а для меня нет красивой коробочки?

– Нет, родная. Сейчас ты пойдешь с Уильямом. Возьми его за руку...

– Но, папа, а как же коробочка? У Кристен есть, а я...

² Позднее король Иоанн Безземельный, 1167–1216.

– Это не подарок, Джиллиан.

– Но, папа...

– Я люблю тебя, – выдохнул отец, смагивая слезы и яростно прижимая девочку к холодной стали кольчуги. – Да хранит тебя Бог.

– Ты раздавишь меня, папа! Можно нам нести коробочку по очереди? Пожалуйста, папа! Но в этот момент в комнату ворвался Эктор, бейлиф³ отца.

Его вопль так перепугал Кристен, что растерявшаяся девочка выпустила сверток из рук. Шкатулка выпала из туники, и в неверном свете факелов на полу, словно упавшие с неба звезды, засверкали рубины, сапфиры и изумруды, переливаясь всеми цветами радуги. Эктор, растерявшись, застыл, ослепленный сказочной красотой.

– Что тебе, Эктор? – раздраженно бросил отец. Тот, спеша как можно скорее передать слова Брайана, командира замкового гарнизона, казалось, совершенно машинально поднял шкатулку и вручил Лоренсу.

– Милорд, Брайан велел передать, что молодой Элфорд Рыжий и его солдаты ворвались во внутренний двор.

– Его видели, – выпалил Уильям, – или он продолжает скрываться от нас?

Эктор поднял глаза на солдата.

– Не знаю, – признался он, прежде чем обратиться к барону: – Брайан еще сказал, что ваши люди призывают вас, милорд.

– Иду, – объявил барон и, поднявшись, знаком велел Эктору покинуть спальню, а сам последовал за ним. Но в дверях обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на своих красавиц дочерей – ангелочка Кристен с голубыми глазками и золотистыми локонами и готовую расплакаться Джиллиан, с материнскими изумрудными очами и светлой кожей.

– Уходите, и храни вас Бог, – хрипло обронил барон и исчез.

Солдаты поспешили к потайному ходу. Том пошел вперед, чтобы открыть дверь в конце туннеля и разведать, нет ли внизу врагов. Лоренс взял Кристен за руку и, подняв повыше факел, пустился в путь. За ними шагали Уильям и Джиллиан. Замыкал процессию Спенсер, задержавшийся лишь затем, чтобы подтащить сундук на место.

– Папа не говорил мне об этой скрытой двери, – прошептала Джиллиан.

– И мне тоже, – кивнула сестра. – Наверное, забыл.

– У нас с Кристен тоже есть потайной ход, – похвасталась Джиллиан Уильяму, – только он ведет в наши спальни. Папа велел нам держать языки за зубами, потому что это секрет. И пообещал выдрать розгами, если мы проболтаемся. А ты знал, Уильям?

Солдат не ответил, но малышка, ничуть не смущенная его молчанием, продолжала:

– Тебе известно, куда мы выйдем? К пруду с рыбками. Правда ведь?

– Нет, – коротко ответил Уильям. – Этот туннель проложен под винными погребами. Мы приближаемся к лестнице, так что будь повнимательнее.

Джиллиан встревоженно осмотрелась, придвинулась ближе к Уильяму и бросила взгляд на сестру. Та прижимала к груди шкатулку, но край туники свисал до самого пола, и Джиллиан не смогла противиться искушению.

– Папа сказал, что мне тоже можно нести коробочку, – проныла она, потянувшись к шкатулке. – Теперь моя очередь.

– Ничего подобного! – возмутилась сестра. – Лоренс, Джиллиан врет! Папа велел мне, а не ей держать сокровище.

– Но теперь моя очередь, – не отставала Джиллиан, снова пытаясь схватиться за болтавшийся конец. Тут сзади послышался какой-то подозрительный шорох, и девочка в страхе отпрянула. Она уже готова была повторить попытку, но поняла, что они стоят у самой лест-

³ Здесь: управляющий хозяйством.

ницы. Там, внизу, царил непроглядный мрак, но Джиллиан была твердо уверена, что в темноте прячутся уродливые чудовища, а может, и сам огнедышащий дракон, готовые наброситься на нее. Испуганная крошка стиснула широкую ладонь Уильяма.

– Мне здесь не нравится, – заплакала она. – Возьми меня на ручки.

Но как только воин нагнулся, чтобы подхватить ее свободной рукой, одна из теней, таившихся у стены, неожиданно ожила и словно прыгнула на девочку. Джиллиан, пронзительно завопив, пошатнулась и столкнулась с Кристен. Сестра, вообразив, что драгоценную шкатулку хотят отнять, с криком «Это мое!» замахнулась на Джиллиан, но удар пришелся как раз Уильяму под колени и отбросил его на Лоренса. Ступени были невероятно скользкими от влаги, годами сочившейся с каменной кладки, и мужчины, к прискорбию, оказались слишком близко к краю, чтобы сохранить равновесие или хотя бы опереться обо что-нибудь. Бедняги мгновенно полетели в черный провал вместе с детьми. Впереди катились факелы, рассыпавшие снопы искр.

Уильям отчаянно старался защитить ребенка своим телом, но все произошло слишком быстро и Джиллиан врезалась подбородком в острый камень. Оглушенная ударом, она несколько минут лежала неподвижно, прежде чем сесть и оглядеться. Кровь заливала блию, и, увидев багряный ручеек, девочка громко зарыдала. Сестра лежала рядом, лицом вниз, не издавая ни звука.

– Кристен, помоги мне, – всхлипывала Джиллиан. – Проснись! Мне плохо! Проснись, Кристен!

Уильям с трудом встал и, прижав малышку к груди, бросился вперед.

– Тише, дитя, тише, – уговаривал он.

Лоренс последовал его примеру и, поднявшись, подхватил Кристен. Кровь капала из пореза у нее на лбу.

– Лоренс, вы с Томом несите Кристен к ручью, – приказал Уильям, – и подождите нас со Спенсером.

– Нужно держаться вместе, – возразил тот, перекрывая вопли Джиллиан.

– Малышка сильно разбилась. Нужно зашить рану. Идите! Мы вас догоним. С Богом!

– Кристен! – не унималась Джиллиан. – Кристен, помоги мне!

Как только они приблизились к двери, Уильям зажал ребенку рот, умоляя помолчать. Мужчины отнесли ее в лачугу кожевника в дальнем конце внешнего двора. Зазубренный булыжник раскроил девочке подбородок, и Мод, жена кожевника, принялась накладывать швы. Солдаты держали Джиллиан, тревожно переглядываясь. Бой разгорался в опасной близости, а шум становился таким оглушительным, что приходилось не говорить, а кричать.

– Заканчивай быстрее, – приказал женщине Уильям. – Нужно спасать ее, пока не поздно. Поспешите!

Он выбежал во двор и, выхватив меч, загородил собой дверь. Мод завязала последний узел, обрезала нитки и торопливо обвязала куском домотканого полотна шею и подбородок Джиллиан. Спенсер взял девочку на руки и шагнул к порогу. Враги подожгли огненными стрелами соломенные крыши хижин, и в свете разгоравшегося пожара все трое побежали к холму, где стояли наготове лошади. Они были уже на полпути к вершине, когда дорогу преградили вражеские солдаты. Второй отряд закрыл дорогу к отступлению. Ни бежать, ни скрыться... Но эти честные люди слишком хорошо сознавали свой долг. Поставив Джиллиан между собой на землю, они встали спиной к спине, подняли мечи и испустили последний боевой клич. Благородные воины умерли, как жили, с честью и мужеством, защищая невинное дитя.

Один из командиров Элфорда, узнав девочку, велел нести ее в парадный зал. Лайза, горничная Джиллиан, при виде своей госпожи не побоялась вырваться из толпы слуг, загнанных в угол и томившихся под бдительным оком стражника, и, прижав к себе малышку, заклинала солдата позволить ей позаботиться о бедняжке. К счастью, тот посчитал Джиллиан обузой и

с радостью избавился от нее. Он приказал Лайзе отнести ребенка наверх, а сам снова бросился в бой. Джиллиан словно окаменела от пережитых потрясений. Лайза схватила ее и метнулась по лестнице к комнате девочки, чтобы убраться подальше от опасности. Охваченная паникой, женщина тщетно пыталась открыть дверь, когда внезапный грохот почти оглушил ее. Подскочив от неожиданности, Лайза обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как распахнулись тяжелые дубовые двери и в парадный зал ворвались солдаты с окровавленными боевыми топорами и мечами. Обезумевшие от сознания собственного могущества, они обратили оружие против слабых и беззащитных. Напрасно те загораживались руками в жалкой попытке укрыться от неумолимых негодяев. Началась безжалостная, бессмысленная бойня. Лайза, вне себя от ужаса, упала на колени, закрыла глаза и заткнула уши, чтобы не слышать отчаянных воплей своих друзей.

Джиллиан безучастно стояла рядом, но, увидев, как в зал втащили отца, подбежала к перилам галереи.

– Папа, – прошептала она и, увидев, как мужчина в позолоченном шлеме занес нож над головой барона, пронзительно вскрикнула: – Папочка!

Это были последние произнесенные ей слова. С этой минуты Джиллиан погрузилась в мир немоты и упорного молчания.

Две недели спустя барон Элфорд Рыжий из Локмира, молодой человек, захвативший владения ее отца, призвал девочку к себе, чтобы решить ее участь, и та без единого слова дала ему понять, что у нее в сердце и на уме.

Лайза взяла Джиллиан за руку и повела в парадный зал, на встречу с чудовищем, убившим благородного барона Ранульфа. Элфорд, хоть и едва достигший того возраста, когда получил право именоваться мужчиной, был злобным, жаждущим власти и богатства демоном, а Лайзу никто не мог упрекнуть в глупости и недомыслии. Служанка отлично сознавала, что одним мановением пальца он мог послать их обеих на страшную смерть.

Но Джиллиан уже в дверях сумела вырваться и вошла в зал одна. Приблизившись к длинному столу, где обедал Элфорд со своими приятелями, она остановилась и тупо уставилась на барона. Личико девочки оставалось совершенно лишенным какого-либо выражения. Руки бессильно болтались.

Элфорд увлеченно обгладывал ножку фазана, заедая ее ржаным хлебом. Капли жира и крошки усеяли подбородок, поросший огненной щетиной. Увлечшись едой, он сначала не обратил внимания на девочку и лишь после того, как небрежно перебросил кость через плечо, обратился к Джиллиан.

– Сколько тебе лет, девчонка? – осведомился он, но не дождавшись ответа, гневно пробормотал, пытаясь не дать волю нараставшей ярости: – Я задал тебе вопрос. Отвечай!

– Да ей не больше четырех, – вставил один из его дружков.

– Бьюсь об заклад, ей больше пяти, – возразил другой. – Она мала, но ей вполне могло исполниться шесть!

Элфорд повелительным жестом велел всем замолчать. Налитые кровью глаза впились в малышку.

– Ты что, глухая? Немедленно отвечай, а заодно скажи, что мне с тобой делать. Исповедник моего папаши утверждает, что ты онемела, потому что твоей душой завладел дьявол. Он просил у меня разрешения изгнать сатану, и поверь, тебе не слишком понравится, каким образом это продлевается. Хочешь, я объясню тебе? Да нет, сомневаюсь, что пожелаешь узнать, – ухмыльнулся он. – Мне говорили, что без пыток не обойтись, поскольку это единственный способ избавиться от демонов. Интересно, как тебе понравится часами лежать привязанной к столу, пока святой отец трудится во имя Господа нашего? Я могу приказывать ему немедленно начать церемонию. Ну-ка, отвечай, да побыстрее. Говори, сколько тебе исполнилось? – прорычал Элфорд.

Но ответом ему было молчание. Леденящее молчание. Элфорд отчего-то ясно понял, что никакие угрозы не помогут. Неужели она рехнулась и ничего не соображает? Кроме того, Джиллиан – истинная дочь своего отца, а тот, наивный, глупый болван, искренне верил в дружбу и преданность Элфорда!

– Может, она просто не знает, – предположил кто-то. – Лучше переходи к делу. Узнай у нее насчет шкатулки.

Элфорд согласно кивнул.

– Видишь ли, Джиллиан, – кисло начал он, – твой отец украл дорогую шкатулку у самого принца Иоанна, и тот поручил мне вернуть ее. Она была усыпана красивыми камешками. Если ты видела ее, разумеется, сразу вспомнишь. Тебе или твоей сестре показывали шкатулку? Отвечай! – завопил он, но тут же поперхнулся и закашлялся. – Знаешь, где твой отец спрятал ее?

Джиллиан не подала виду, что слышит убийцу. Молодой барон, раздраженно вздохнув, попытался усмирить ее взглядом. Но в глазах ребенка вместо безразличия загорелась такая жгучая, всепожирающая ненависть, что по спине Элфорда побежали мурашки. Господи, такому маленькому ребенку просто неприлично выказывать подобные чувства! Она пугает его! Подумать только, ведь она совсем дитя, едва из пеленок!

Выведенный из себя столь странными, совершенно непривычными ощущениями Элфорд вновь прибегнул к жестокости.

– Какая же ты уродина, со своей бледной кожей и редкими тусклыми волосенками! Зато твоя сестра была настоящей красавицей! Скажи, Джиллиан, ты завидовала ей? Та женщина, которая зашивала тебе рану, сказала, будто вы с Кристен упали с лестницы, а один из солдат говорил ей, что ты толкнула вниз свою сестру. Знаешь, а ведь Кристен погибла, и это ты ее убила.

Он подался вперед и ткнул в девочку длинным костлявым пальцем.

– До конца дней тебе придется жить со смертным грехом на душе! Правда, может, мучения продлятся недолго! Я решил отослать тебя на край земли, – равнодушно бросил он. – В холодные суровые земли северной Англии, где тебе придется жить вместе с язычниками, пока не настанет день, когда ты снова мне понадобишься. А теперь – прочь с глаз моих! У меня от тебя мороз по коже.

Лайза, трепеща от страха, выступила вперед.

– Милорд, позвольте мне ехать вместе с девочкой. Кроме меня, о ней некому позаботиться.

Элфорд перевел взгляд на горничную, съежившуюся от страха при виде его покрытого шрамами лица.

– Одна ведьма приглядит за другой? – фыркнул он. – Мне все равно, уедешь ты или останешься. Делай что хочешь, только убери ее подальше! Я и мои друзья больше не в силах терпеть эту тварь!

Он с изумлением заметил дрожь в собственном голосе и, окончательно осатанев, швырнул в девочку тяжелой деревянной чашей. Чаша просвистела мимо ее головы и грохнулась об пол. Джиллиан не шевельнулась, не попыталась увернуться и по-прежнему стояла, пронзая врага ненавидящим взглядом. Неужели она видит его насквозь? Заглянула в душу? При мысли об этом Элфорд снова затрясся.

– Вон! – взвизгнул он. – Проваливайте!

Лайза подхватила Джиллиан и бросилась к выходу. Оказавшись в сравнительной безопасности, она прижала девочку к груди и прошептала:

– Все кончено, крошка, мы скоро покинем это страшное место и никогда не вернемся. Больше ты не столкнешься с убийцей своего отца, а я, слава Богу, не узрею гнусную рожу своего

муженька Эктора. Заживем себе мирно и, если Господу будет угодно, еще обречем покой и радость.

Лайза была полна решимости скрыться, прежде чем барон Элфорд передумает. Позволение покинуть Даненшир освободило ее, ибо это означало, что теперь она может спокойно покинуть Эктора. Во время нападения на замок муж повредился умом и до сих пор не пришел в себя. В таком состоянии он просто не способен никуда ехать. Став свидетелем гибели солдат и слуг и едва избежав той же участи, он безнадежно спятил и теперь бродил по холмам Даненшира, волоча за собой объемистую торбу, набитую камнями и комьями грязи, которые именовал своими сокровищами. Ночевал он в углу конюшни, постоянно преследуемый кошмарами. Остекленевшие глаза смотрели куда-то вдаль. Бессвязные уверения в том, что он вот-вот станет богаче короля Ричарда, сменялись непристойностями и грязными ругательствами, поскольку мечты безумца все не сбывались. Даже захватчики вместе с их предводителем Элфордом, в отсутствие короля взявшим Даненшир под свою руку, старались обходить Эктора десятой дорогой, а некоторые солдаты помоложе при виде несчастного падали на колени и крестились, стараясь таким проверенным способом избавиться от угрозы подхватить опасное «бешенство». Однако никто не смел пальцем его тронуть, поскольку все твердо верили, что демоны, вселившиеся в голову Эктора, немедленно набросятся на обидчика и превратят его в жалкое подобие человека.

Лайза твердо уверовала, что сам Спаситель благословил ее на побег от мужа. За семь лет супружеской жизни Эктор не сказал ей ни единого доброго слова, не выказал ни малейших чувств по отношению к жене. Он твердо верил, что его святой долг мужа – палкой вбивать в нее покорность и послушание, дабы обеспечить ей место в раю, и исполнял свои обязанности с невероятным рвением. Злобное, завистливое ничтожество, с детства избалованное любящими родителями, Эктор считал, что любое его желание должно немедленно исполняться и что ему с рождения предначначены особенная судьба и богатая сытая жизнь; алчность и жадность затмили ему все на свете. Всего за три месяца до гибели отец Джиллиан назначил его бейлифом: уж очень ловко он умел обращаться с цифрами. Теперь он получил доступ к деньгам барона и точно знал размеры его состояния. Горечь и зависть все росли, грозя задушить его, потому что Эктор искренне считал, будто получаемое им вознаграждение несоразмерно с трудами.

Кроме того, он еще и оказался трусом. Во время боя Лайза своими глазами видела, как Эктор схватил кухарку Герту и, прикрываясь ею, как щитом, от летящих стрел, выскочил во двор. Когда Герту убили, Эктор спрятался под ее трупом и притворился мертвым. Изнемогая от стыда, Лайза не могла без отвращения смотреть на мужа, хотя знала, что подвергает опасности свою бессмертную душу, ибо Господь повелел прощать, а презрение к созданию Божию, разумеется, страшный грех. И поэтому служанка искренне благодарила Создателя за возможность искупить вину.

Опасаясь, что Эктору взбредет в голову последовать за ней, Лайза в день отъезда отправилась попрощаться с мужем в конюшни вместе с девочкой. Крепко держа маленькую хозяйку за руку, она решительно промаршировала в стойло, где нашел приют незадачливый супруг. При виде выпачканной навозом и кровью торбы, висевшей на колышке, женщина брезгливо сморщила нос. От мешка несло такой же невообразимой вонью, как от нервно бегавшего по крошечной клетушке владельца. Услышав свое имя, тот съежился и, сорвав с колышка торбу, поспешно спрятал за спиной. Глаза блудливо забегали.

– Ах ты, старый дурень, – пробормотала жена. – Никому твой хлам не нужен! Я пришла сказать, что покидаю Даненшир вместе с леди Джиллиан и оставляю тебя на веки вечные. Слышишь, осел ты этакий? Прекрати причитать и посмотри на меня. Я не желаю, чтобы ты меня разыскивал, понятно?

Эктор тихо хихикнул. Джиллиан прижалась к Лайзе и предусмотрительно уцепилась за ее юбку. Женщина, забыв обо всем, немедленно принялась утешать малышку.

– Не бойтесь его, леди, – прошептала она. – Я не позволю ему и пальцем вас тронуть.

Горничная выпрямилась и смерила мужа взглядом, полным неподдельного отвращения.

– Я не шучу, Эктор. Посмей только преследовать меня! Я видеть тебя больше не желаю! Для меня ты умер. Умер и похоронен навеки.

Но муж, похоже, и не думал обращать внимание на жену.

– Уже недолго... я получу свою награду... все будет моим... такой куш! – выпалил он, захлебываясь и заикаясь. – Мне воздастся по заслугам... наконец-то! Целое королевство... выкуп... мое... только мое...

Лайза приподняла голову девочки так, чтобы взглянуть ей в глаза.

– Запомни эту минуту, дитя мое. Видишь, что способна сделать с человеком трусость?

И, не оглядываясь, увела Джиллиан.

Барон Элфорд отказался дать им солдат в сопровождение. Его забавляла сама мысль о том, что ведьмам придется идти пешком далеко на север. Но юные братья Хатуэй пришли на выручку одиноким женщинам. Уолдо и Генри, арендаторы барона Ранульфа, помнили добро и поэтому запрягли пахотных лошадей в убогую повозку. Оба вооружились чем могли, опасаясь разбойников, во множестве подстерегавших незащищенных путников на дорогах.

К счастью, поездка прошла без особых происшествий, и девочку с радостью приняли в доме барона Моргана Чапмена, слывшего в округе отшельником и затворником. Барон приходился Джиллиан дядей по материнской линии и, хотя пользовался репутацией человека достойного, все же считался чужаком не слишком высокого происхождения, а потому редко приглашался ко двору. В его жилах текла кровь шотландских горцев, и уже одно это обстоятельство не заслуживало доверия в глазах короля и его приспешников.

Кроме всего прочего, одно появление Моргана внушало посторонним ужас и страх, ибо ростом он был выше шести футов двух дюймов⁴ – настоящий великан по тому времени, с густой беспорядочной копной черных волос и неизменно угрюмым лицом.

Родство между ним и Джиллиан было весьма отдаленным, но хотя Элфорд вообразил, что примерно наказал строптивую девчонку, отправив ее к нелюдиму Моргану, ссылка оказалась для нее настоящим спасением. Под внешне неприступной и мрачной внешностью скрывалось сердце святого. Дядя оказался любящим, нежным человеком, с первого взгляда признавшим в несчастном, жалком создании родственную душу. Правда, сперва он заявил Лайзе, что не позволит какому-то чужому ребенку разрушить его мирную жизнь, но немедленно опроверг свои же слова, посвятив всего себя Джиллиан. Именно он помог исцелению ее души. Он любил Джиллиан как родную дочь и делал все возможное, чтобы она вновь заговорила. Морган страстно желал услышать смех малышки, но опасался, что надежды его пропадут втуне.

Лайза, со своей стороны, тоже старалась как могла заставить Джиллиан если не забыть, то хотя бы оправиться от трагедии, постигшей ее семью. Но шли месяцы, а терпение и ласка не возымели никакого воздействия, и служанка была близка к отчаянию. Все это время она спала в комнате девочки, чтобы при малейшем шуме вскочить и попытаться успокоить бедняжку, когда ту начинали терзать безжалостные кошмары.

Обрывки леденящих кровь воспоминаний о той ночи, когда погиб отец, продолжали терзать дитя. В таком возрасте трудно отличить истину от выдумки и игры воображения, но она отчетливо видела драку с сестрой из-за сверкающей драгоценностями шкатулки, падение с узкой лестницы, туннель под замком. Неровный шрам под подбородком служил доказательством того, что все это случилось на самом деле. В ушах звучал вопль Кристен. И кровь... Ей казалось, что и она, и сестра были залиты кровью с головы до пят.

⁴ Около 1 м 90 см.

Кошмары, преследовавшие ее, никогда не менялись: безликие чудовища с красными горящими глазами и длинными, тонкими, как у крыс, хвостами преследовали ее и Кристен, бегущих по узкому темному проходу. Но в этих повторявшихся снах она никогда не убивала сестру. Это делали монстры.

В одну из таких ночей, во время страшной грозы, Джиллиан наконец заговорила. Лайза разбудила девочку, и, по обычаю, завернув ее в один из мягких шотландских пледов дяди, села с ней в кресло у очага. Тучная женщина принялась укачивать малышку, приговаривая:

– Не годится так, Джиллиан. Днем ты молчишь, как немая, а по ночам воешь, словно одинокий волк. И все потому, что копишь боль в сердце, а ее нужно кому-то излить! Разве не так, мой ангелочек? Поговори со мной, детка. Поделись своим горем.

Лайза не ожидала ответа и едва не уронила подопечную, услышав хриплый шепот.

– Что ты сказала? – вырвалось у нее, чуть резче, чем следовало бы.

– Я не хотела убивать Кристен. Не хотела.

Лайза разразилась слезами.

– О, Джиллиан, ты вовсе никого не убивала, сколько раз повторять? Я слышала, что сказал барон Элфорд. Неужели не помнишь – я все твердила, что он солгал! Почему ты мне не веришь? Он просто хотел ранить тебя побольнее.

– Она мертва.

– Вовсе нет.

Джиллиан, нахмурившись, взглянула на Лайзу, словно пыталась определить, правду ли та говорит. Ей отчаянно хотелось поверить горничной.

– Кристен жива, – кивнув, подтвердила Лайза. – Честное слово. И знай, как бы ни была ужасна истина, я никогда не солгу тебе.

– Я помню кровь.

– В твоих кошмарах?

– Ну да. Я столкнула Кристен вниз. Папа держал меня за руку, но потом разжал пальцы.

И Эктор стоял рядом.

– У тебя в головке все смешалось. Ни твоего отца, ни Эктора там не было.

Джиллиан зарылась лицом в плечо Лайзы.

– Эктор спятил.

– Уж это точно, – согласилась та.

– А ты была со мной под землей?

– Нет, но я знаю, что произошло. Пока Мод зашивала твою рану, один из воинов, который был там, рассказал, что тебя и сестру разбудили и отнесли в отцовскую спальню.

– Меня нес Уильям, – сообщила девочка.

– Знаю.

– Было совсем темно.

Лайза почувствовала, как вздрогнула Джиллиан, и прижала ее к себе.

– Ну да, стояла ночь, а Элфорд со своими солдатами уже ворвались во внутренний двор.

– Я помню, как открылась стена в папиной опочивальне.

– Этот лаз вел к лестнице и дальше, в коридор под кухней и винными погребами, – подтвердила служанка. – С твоим отцом было четыре человека, те, которым он доверил самое драгоценное, что у него было. Ты знаешь их, Джиллиан. Том, Спенсер, Лоренс и Уильям. Они захватили с собой факелы.

– Мне велели никому не рассказывать про потайную дверь.

– В твоей комнате тоже была такая, – улыбнулась Лайза.

– Откуда ты знаешь? Кристен сказала?

– Нет, – покачала головой женщина. – Просто каждую ночь я укладывала тебя спать, а утром находила в постели Кристен. Вот я и сообразила, что ты пробираешься к ней потайным

ходом, поскольку очень боишься темноты, а в коридоре за дверью спальни не видно ни зги. Значит, нашла другой способ ночевать у сестры.

– Теперь ты отшлепаешь меня за то, что я проболталась? – боязливо пробормотала девочка.

– О Господи, Джиллиан, конечно, нет! Я и пальцем тебя не трону.

– Папа тоже не бил меня, хотя вечно грозился. Наверное, это он нарочно, да, Лайза?

– Ну конечно, – поддакнула горничная.

– Папа держал меня за руку?

– Нет, дорогая. Он даже не спустился вниз. Уклониться от битвы считалось бы для него бесчестьем, а твой отец был благородным человеком. Он вернулся к своим солдатам.

– Я столкнула Кристен со ступенек, и она была в крови. Она даже не плакала. Это я ее убила.

– Ты слишком мала, чтобы понять, – вздохнула Лайза, – но все же попытайся. И ты, и Кристен вместе скатились с лестницы. Спенсер сказал Мод, что Уильям, похоже, споткнулся и сбил с ног Лоренса. Каменный пол был скользким, но Уильям все твердил, что кто-то ударил его под коленки.

– Наверное, это была я, – встревожилась девочка.

– Ты чересчур мала и легка, чтобы проделать такое со взрослым мужчиной. Просто сил бы не хватило.

– Но что, если...

– Ты ни в чем не виновата, – твердо объявила Лайза. – Чудо еще, что никто не погиб! Однако рану необходимо было зашить, и Уильям отнес тебя к Мод, а сам стерег под дверью хижины, пока бой не разгорелся совсем близко. Мод все твердила, что он отчаянно пытался тебя спасти, но к тому времени, как вы пустились в путь, солдаты барона Элфорда уже окружили двор. Тебя схватили и отнесли в замок.

– А Кристен тоже поймали?

– Нет, ей удалось сбежать.

– А где сейчас Кристен?

– Не знаю, – вздохнула Лайза. – Может, твой дядя Морган скажет, что с ней случилось. Завтра обязательно спроси. Он любит тебя, Джиллиан, и, конечно, поможет найти сестру. Она наверняка скучает по тебе.

– А вдруг Кристен потерялась? – всхлипнула девочка.

– Не потерялась, – заверила Лайза.

– Но она, должно быть, боится и плачет.

– Детка, с ней все в порядке. Она в безопасном месте и вырвалась из когтей барона Элфорда. Спроси свое сердечко. Оно подсказывает тебе, что Кристен жива?

Джиллиан кивнула, прилежно наматывая на палец прядь волос Лайзы.

– Верю, – прошептала она, зевая. – А когда приедет папа и отвезет меня домой?

Глаза служанки снова наполнились слезами.

– Ах, дорогая, папа не может приехать. Он мертв. Элфорд его убил.

– Он воткнул нож в живот папы.

– Господи милостивый! Ты видела?

– Папа не плакал.

– О, мой бедный ангел...

– Может, Мод зашьет папу? Он встанет и заберет меня.

– Нет, – покачала головой Лайза. – Он мертв, а мертвые не оживают.

Джиллиан выпустила волосы Лайзы и закрыла глаза.

– Папа на небесах, вместе с мамой?

– Конечно, девочка.

– Я тоже хочу на небо, – попросилась крошка.

– Тебе еще рано. Сначала нужно прожить долгую жизнь, дорогая. И только потом отправляться на небо.

Девочка зажмурилась, чтобы не заплакать.

– Папа умер ночью.

– Да, родная.

Прошло несколько минут, прежде чем Джиллиан снова заговорила.

– Все плохое случается по ночам, – едва слышно пролепетала она.

Глава 1

Шотландия. Четырнадцать лет спустя

Судьба всего клана Макферсонов была в руках лэрда Рамзи Синклера и целиком зависела от его воли. После мирной кончины Уолтера Фландерса и рождения Алана Дойла клан насчитывал ровно девятьсот двадцать два человека, и подавляющее большинство этих гордых женщин и мужчин отчаянно нуждались в защите Рамзи.

Для Макферсонов настали тяжелые времена. Их лэрд, вспыльчивый, своенравный старик с вечно грустными глазами по имени Лохлан, умер год назад, причем от собственной руки, да простит его Господь. Члены клана были потрясены и возмущены столь трусливым деянием и до сих пор отказывались его обсуждать. Ни один из мужчин помоложе не находил в себе мужество сразиться за право называться лэрдом – в основном потому, что считали, будто он опозорил эту должность, убив себя.

– Должно быть, – рассуждали они, – он рехнулся, ибо нормальный человек никогда не сотворит ничего подобного, зная, что будет вечно гореть в аду за оскорбление, нанесенное самому Создателю.

Двое старейшин, Брисбейн Эндрюс и Отис Макферсон, согласившиеся временно стать во главе клана, были уже немолоды и обессилены двадцатилетними непрекращающимися битвами с жадными до чужого добра захватчиками, жившими к востоку, западу и югу от их владений. Со времени самоубийства лэрда нападения возросли вдесятеро, поскольку теперь враги справедливо считали легкой добычей людей, оставшихся без предводителя. Все эти неприятности требовали ответных мер, не только срочных, но и изобретательных, поэтому Брисбейн и Отис, с одобрения клана, решили обратиться за помощью к лэрду Рамзи Синклеру во время ежегодного весеннего праздника. Общее собрание всех соседей казалось им идеальной возможностью приступить к лэрду со своим прошением, тем более что по неписаным законам любое проявление враждебности во время этих двух недель соревнований, танцев и веселья сурово каралось. Вся округа считалась единой семьей, старые друзья встречались вновь, соперники мирились, и, что самое важное, заключались брачные договоры. Отцы юных дочерей отчаянно пытались защитить своих отпрысков от навязчивых ухаживаний нежеланных поклонников и одновременно подыскать самую выгодную партию. Молодые люди не могли дожидаться весны.

Поскольку земли Синклеров граничили с собственностью Макферсонов, Рамзи предположил, что речь пойдет о военном союзе, но, как оказалось, соседи требовали большего. Династического брака, если можно так выразиться, между кланами. Они даже были готовы отказаться от своего родового имени и стать Синклерами, если лэрд поклянется, что станет обращаться с Макферсонами так, словно они родились в его собственном клане. Старейшины добивались полного равенства с соседним кланом для девятист двадцати двух соплеменников.

Шатер Рамзи Синклера был размером с большую хижину и достаточно просторен, чтобы вместить собравшихся. В центре стоял маленький круглый стол с четырьмя стульями, на полу было разложено несколько тюфяков. Рамзи велел позвать военачальника Гидеона и закаленных в битвах воинов Энтони и Фодрона. Майкл Синклер, младший брат Рамзи, нервно переминался с ноги на ногу поодаль, ожидая разрешения присоединиться к веселящимся. Мальчика уже выругали за то, что он не вовремя вмешался в разговор, и теперь он старался не поднимать головы, густо краснея от стыда и смущения.

Брисбейн Эндрюс, сварливый старикашка с пронизывающим взглядом и хриплым голосом, выступил вперед, чтобы объяснить причину своего прихода.

– У нас немало молодых солдат, но все они плохо обучены и не сумеют защитить женщин и детей от нападения. Нам нужна твоя сила, чтобы держать хищников в узде и жить спокойно. Сами мы никого не трогаем, но и не желаем стать бесправными рабами.

Отис Макферсон, живая легенда Шотландских гор благодаря своим доблестным, хотя и сильно приукрашенным бардами, подвигам, сложил руки на ревматических коленях и кивнул в сторону Майкла.

– Возможно, лэрд, будет лучше, если ты выслушаешь просьбу брата ипустишь его, прежде чем продолжать беседу. Дети часто выбалтывают секреты без всякого злого умысла, случайно, а я не хотел бы, чтобы кто-то узнал о нашем сговоре... пока не получено твоего согласия или же отказа.

– Верно, – кивнул Рамзи. – Что тебе, Майкл?

Мальчик все еще страшно стеснялся старшего брата, ибо почти не знал его и видел всего раза два в жизни. Рамзи с юных лет отправили к Мейтлендам, обучаться военному искусству. Отец послал за старшим сыном, уже находясь на смертном одре. Братья были совсем чужими друг другу, но Рамзи, хоть и не привыкший иметь дело с детьми, преисполнился решимости как можно скорее завоевать любовь и доверие Майкла.

– Я хотел пойти на рыбалку со своим новым другом, – пролепетал Майкл, – если позволите, лэрд.

– Не опускай глаз, когда говоришь со мной! – велел Рамзи.

Майкл немедленно повиновался и повторил просьбу, добавив на этот раз «пожалуйста». Заметив страх в глазах ребенка, лэрд невольно задался вопросом, сколько времени понадобится брату, чтобы привыкнуть к нему. Парнишка все еще тяжело переживал кончину отца, и Рамзи понимал, что Майкл чувствует себя одиноким и покинутым. К тому же он не помнил свою мать – та умерла, когда ему исполнился год, – но горячо любил отца и до сих пор не оправился от потери. Рамзи надеялся, что со временем Майкл станет больше доверять старшему брату и даже научиться снова улыбаться.

– Не смей подходить к водопаду, и чтобы до захода солнца был здесь, – тихо приказал он.

– Даю слово, – поклялся Майкл. – Можно идти?

– Да, – кивнул Рамзи, раздраженно наблюдая, как брат запутался в собственных ногах и сбил стул, спеша поскорее отыскать друга.

– Майкл, – окликнул он мальчика, – ты ничего не забыл?

Парнишка недоуменно раскрыл рот, и только когда старший брат кивком указал на гостей, догадался, в чем дело. Подбежав к старикам, он почтительно поклонился и спросил:

– Позволено мне будет уйти?

Отис и Брисбейн немедленно дали разрешение и с улыбкой посмотрели вслед метнувшемуся к выходу мальчику.

– Парень напоминает тебя, лэрд, – заметил Брисбейн. – Я помню тебя в детстве и могу, не кривя душой, сказать, что вы похожи как две капли воды. Если Господу будет угодно, Майкл также вырастет могучим воином и истинным вождем.

– Да, – согласился Отис, – при надлежащем воспитании он сумеет стать таковым, но я не мог не заметить, что дитя боится своего брата. В чем тут причина, лэрд?

Рамзи не оскорбился вопросом, зная, что старик говорит правду и всего лишь высказывает собственное мнение.

– Я совсем чужой Майклу, но думаю, когда-нибудь он полюбит меня и доверится.

– Убедится, что ты не покинешь его? – попытался Отис.

– Именно, – кивнул Рамзи, поразившись проницательности старика.

– Помню, как Алистер решил снова жениться, – вставил Брисбейн. – Мне казалось, что он слишком стар, чтобы менять привычки. Твоя мать к тому времени вот уже десять лет покоилась

в земле, но этот вроде бы закоренелый холостяк одурачил всех, пошел под венец и был счастлив и доволен. Ты когда-нибудь видел Глиннес, его вторую жену?

– Я приехал на их свадьбу. Она была намного моложе отца, и он был убежден, что умрет первым. Вот и хотел удостовериться, что ей выделяют вдовью долю, – объяснил лэрд.

– И попросил тебя позаботиться об этом? – поинтересовался Отис.

– Я его сын и должен был исполнить волю отца, – коротко бросил Рамзи.

– Лэрд Синклер никогда не отвернется от нуждающихся и несчастных, – заметил Отис своему приятелю.

Рамзи, которому надоело обсуждать дела своей семьи, постарался вернуться к прежней теме разговора.

– Вы говорили, что хотите моей защиты, но неужели обычного союза для вас недостаточно?

– Твоим солдатам придется день и ночь объезжать наши границы, – откликнулся Отис. – Рано или поздно им надоест эта повинность, но если бы ты владел землей...

– Верно, – вмешался Брисбейн. – Если бы владения принадлежали Синклерам, они защищали бы их любой ценой. Мы...

Он осекся, потрясенный тем, что лэрд собственноручно наполнил вином их кубки.

– Ты лэрд... и прислуживаешь нам, подобно простому оруженосцу. Разве тебе не известно, каким могуществом ты обладаешь?

Рамзи улыбнулся смущенным послам.

– Прежде всего вы мои гости, и старшим следует оказывать уважение. Обязанность хозяина – позаботиться о вашем благополучии.

Мужчинам, очевидно, польстили его слова. Они не ожидали удостоиться такой чести.

– Ты унаследовал отцовское сердце, – похвалил Отис. – Приятно убедиться, что Алистер живет в своем сыне.

Лэрд коротким кивком поблагодарил за комплимент и мягко вернул старика с небес на землю.

– Так вы утверждаете, что я всеми силами защищал бы ваши поместья, если бы получил их в постоянное владение?

– Так, – подтвердил Отис. – Нам есть что предложить в обмен на твое покровительство. Наши земли богаты и плодородны, в озерах резвится жирная рыба, а на холмах пасутся сотни овец. Поэтому нас со всех сторон осаждают Кемпбеллы, Гамильтоны и Босуэллы. Все хотят заполучить нашу собственность, воду и женщин, а мужчины могут отправляться хоть в ад.

Рамзи ничем не выказал своего отношения к страстной тираде. Заложив руки за спину и низко опустив голову, он принялся мерить шагами шатер.

– С вашего разрешения, лэрд, я хотел бы задать несколько вопросов, – вмешался Гидеон.

– Как хочешь, – пожал плечами Рамзи.

Гидеон обратился к Отису:

– Сколько солдат у Макферсонов?

– Почти две сотни, – отвечивал тот. – Но как упоминал Брисбейн, они плохо обучены.

– Не забудьте о сотне, которой еще предстоит начать обучение, – добавил Отис. – Ты, и только ты, можешь сделать их непобедимыми. Такими же, как спартанцы лэрда Бродика Бьюкенена.

– Ты называешь их спартанцами? – удивился Гидеон.

– Да, потому что они и есть таковы, – кивнул Отис. – Разве ты, как и мы, не слышал о спартанцах былых времен от дедов и отцов?

– Верно, но большинство этих историй сильно преувеличено. Обыкновенные сказки, – пожал плечами Гидеон.

– Ошибаешься. Почти все это правда, – возразил Отис. – Все истории записаны святыми отцами-монахами и пересказаны бесчисленное количество раз. Спартанцы – племя варваров, греховно гордое, но беззаветно отважное. Говорят, они были готовы скорее умереть от меча и кинжала, чем сдаться врагу. По моему мнению, это был упрямый и смелый народ.

– Но мы не хотим, чтобы наши солдаты были столь же безжалостны, как воины Бьюкена, – поспешно вставил Брисбейн.

Рамзи рассмеялся.

– Верно, они беспощадны, – согласился он, но улыбка тут же померкла. – Знаете, джентльмены, хотя мы часто не ладим, я считаю Бродика одним из лучших друзей. Он мне как брат. Однако я не стану возражать против сказанного, поскольку знаю: Бродик был бы доволен, что вы считаете его безжалостным.

– Этот человек одержим страстями, – настаивал Отис.

– Да, зато справедлив до смешного, – отозвался Рамзи.

– Вас обоих обучал Йен Мейтленд, не так ли? – осведомился Брисбейн.

– Он.

– Лэрд Мейтленд правит своим кланом мудро и честно.

– Я и его считаю своим другом и братом, – сообщил Рамзи.

– Бродик руководствуется страстями, Йен – мудростью, а ты, лэрд, – железной рукой правосудия. Мы также знаем тебя как человека сострадательного. Выкажи нам свое милосердие, – заклинал Отис.

– Откуда вы знаете, какой я вождь? – пожал плечами Рамзи. – Называете меня сострадательным, но я стал лэрдом всего лишь полгода назад и еще ничем особенным себя не проявил.

– Взгляни на своих командиров, – запротестовал Брисбейн. – Гидеон, Энтони и Фодрон заменили твоего отца во время его болезни, а когда он умер, ты не поступил так, как сделали бы другие на твоём месте.

– Что вы имеете в виду?

– Заменял бы командиров преданными тебе людьми.

– Мы готовы умереть за нашего лэрда! – вскипел Гидеон. – Ты смеешь намекать, что это не так?

– Нет, – вздохнул Брисбейн. – Просто объясняю, что другие лэрды были бы далеко не так уверены в себе и постарались бы избавиться от возможных соперников. Вот и все. Лэрд, ты выказал неподдельное участие, позволив им остаться на прежних должностях.

Рамзи ничем не выдал своего отношения к суждениям старика.

– Как уже было сказано, – начал он, – я совсем недолго пробыл лэрдом, и у клана Синклеров немало своих трудностей. Не уверен, что сейчас подходящее время для...

– Больше ждать нельзя, лэрд. Босуэллы объявили войну, и ходят слухи, что они объединились с Гамильтонами. Если это правда, Макферсонам конец.

– Но захотят ли ваши солдаты добровольно принести клятву верности Синклеру? – спросил Гидеон.

– Все до единого, – заверил Отис.

– До единого? Отступников не будет?

Отис и Брисбейн встревоженно переглянулись.

– Несколько человек против, – нехотя признался Отис. – Четыре месяца назад, прежде чем прийти сюда, мы собрали всех и проголосовали. Участвовали на равных, и мужчины, и женщины.

– Женщины? Вы позволяете женщинам высказываться? – не поверил Гидеон.

– Хотели, чтобы все было по справедливости, – усмехнулся Отис, – ибо судьба наших женщин тоже зависит от этого союза. Но мы и не подумали бы позвать их, если бы Меган Макферсон, внучка нашего покойного лэрда, не настояла.

– Женщина она прямая и смелая, – добавил Брисбейн, хотя по блеску в глазах было ясно, что он не считает эти качества недостатками.

– Если вы голосовали четыре месяца назад, почему явились только сейчас? – допытывался Гидеон.

– Мы проделали это дважды, – пояснил Отис. – Дали людям время хорошенько обдумать свое решение. Первое голосование было в пользу союза, но с очень небольшим перевесом.

– Поэтому мы не пожелали, чтобы о нас говорили, будто мы подталкиваем членов клана и всячески их торопим в столь важном деле, – вторил Брисбейн, – ну и объявили второе голосование.

– Да, – подтвердил Отис. – Многие из тех, кто выступал против, передумали.

– Нам не стоило так долго ждать, чтобы прийти к тебе, лэрд, ибо положение наше хуже некуда.

– А каков результат второго голосования? – поинтересовался Рамзи. – Сколько солдат против?

– Шестьдесят два, и все молоды, очень молоды, – вздохнул Отис.

– Гордость затмила их разум, – сокрушался Брисбейн.

– Их подзуживает неразумный мятежник по имени Простер, но остальные не стали их слушать.

– А отступники согласятся с решением большинства? – допрашивал Рамзи.

– Да, но неохотно, – признал Отис. – Если уговорить Простера, остальные пойдут за ним. Существует весьма простой способ завоевать их доверие... весьма простой.

– Какой же именно?

– Жениться на Меган Макферсон, – выпалил Брисбейн. – Объединить нас браком двух вождей.

– Многие лэрды не получали и сотой доли того, что предлагаем мы, – соблазнял Отис.

– А если я не захочу жениться на Меган?

– Мы не отступимся от своей просьбы объединить наши кланы. Просто считаем, что брак с Меган упрочит наш союз. Мой клан... мои дети... нуждаются в твоей защите. Всего две недели назад были зверски убиты Дэвид и Люси Дуглас, чей единственный грех заключался в том, что они оказались у самой границы. Они только что поженились. Мы не можем больше терять ни в чем не повинных людей, и если ты откажешь, за нами начнут охотиться, как за беспомощными кроликами. Что станет с нашими внуками? – молил Брисбейн. – У нас есть много парнишек – ровесников твоего брата.

Рамзи не смог равнодушно отмахнуться от их отчаянного призыва. Он хорошо знал, на какие крайности способны Босуэллы в попытке захватить чужие земли. Ни один из их солдат не остановится перед тем, чтобы убить дитя.

– Босуэллы – гнусные шакалы, – пробормотал он.

Гидеон, хорошо знавший лэрда, уже понял, каким будет ответ.

– Рамзи, ты соберешь весь клан, чтобы сообщить им о предложении Макферсонов?

– Нет. Подобные вещи не обсуждаются.

Гидеон едва сумел сдержать свое раздражение.

– Но ты все обдумашь, прежде чем решиться?

Поняв, что командир пытается уговорить его подождать и хочет побеседовать с глазу на глаз до того, как он свяжет себя словом, Рамзи коротко кивнул, прежде чем вновь обратиться к Макферсонам.

– Друзья мои, я дам вам ответ через три часа. Согласны?

Отис наклонил голову и встал.

– С твоего разрешения, мы вернемся через три часа.

Он направился было к выходу, но Брисбейн схватил приятеля за руку.

– Ты забыл сказать ему о состязании, – громком шепотом напомнил он.

– Какое еще состязание? – буркнул Гидеон.

Отис залился краской.

– Мы думали... чтобы пощадить гордость наших солдат... что ты согласишься участвовать в играх. Мы, разумеется, не сумеем победить, но если нас жестоко побьют во всех состязаниях, будет легче принять имя Синклеров.

Гидеон шагнул вперед.

– А если вы выиграете?

– Не получится, – вздохнул Отис.

– А все же?

– Тогда Синклеры откажутся от своей фамилии. Ты по-прежнему будешь править, Рамзи, но отныне станешь Макферсоном, а того, кто положит тебя на лопатки, назначишь первым помощником и старшим над солдатами.

Гидеон окончательно вышел из себя, но Рамзи едва не рассмеялся, услышав столь абсурдное требование. Стараясь не улыбнуться, он строго нахмурил брови.

– У меня уже есть командир, которым я очень доволен, и не вижу нужды что-либо менять.

– Но, лэрд, мы только хотели... – начал Отис.

– Мой командир стоит перед вами, – оборвал его Рамзи, – и вы открыто оскорбляете его своим предложением.

– Но что, если ты посоветуешься с кланом? – не отступал Брисбейн. – Игры только начались, и у нас есть почти две недели. Ты можешь состязаться в самом конце.

– В таком случае я, подобно вам, пожелаю узнать, что думают обо всем этом мои люди, равно мужчины и женщины, и поскольку далеко не все приехали на праздник, уверяю, пройдет не один месяц, прежде чем удастся их собрать. Если они и позволят мне состязаться на таких условиях, это случится не раньше будущей весны.

– Но мы не можем так долго ждать, – охнул Отис.

– Буду честным до конца, друзья мои, и открою вам, что ни в коем случае не стал бы говорить об этом с моими соплеменниками. Такие условия попросту неслыханны! Имя Синклеров священо. Однако, поскольку вы утверждаете, что хотите всего-навсего пощадить гордость ваших солдат, предлагаю, чтобы они состязались за должности в моем гарнизоне, под началом моего командира. Тех из Макферсонов, кто выкажет отвагу и мужество в поединках с моими воинами, будет обучать сам Гидеон.

Отис покорно кивнул.

– Мы вернемся через три часа, чтобы выслушать твой ответ, – повторил он.

– Бог да направит тебя на верный путь, – пожелал Брисбейн, и старики торжественно удалились.

Рамзи тихо засмеялся.

– Ну и плуты, – заметил он, восхищенно покачивая головой. – Бьюсь об заклад, Отис уверен, что Макферсоны легко нас побьют и тогда он получит нашу защиту и ухитрится при этом сохранить свое имя.

Но Гидеону было не до веселья.

– Ну и ну! Они являются к тебе с протянутой рукой, словно нищие, и в то же время набираются наглости ставить условия! Что за негодяи!

– А ты что скажешь, Энтони? – обратился Рамзи к ближайшему соратнику Гидеона.

– Я против этого союза, – пробормотал богатырь с волосами соломенного цвета. – Любой человек, готовый добровольно отказаться от своей фамилии, мне отвратителен.

– Верно, – поддержал возмущенный Фодрон. Его узкое лицо с орлиным носом побагровело от гнева. – Брисбейн и Отис – презренные твари.

– Нет, скорее старые пройдохи, которые, однако, из кожи вон лезут, чтобы уберечь своих людей. Я уже давно проведаль, с чем они собираются прийти ко мне, так что было время хорошенько все обдумать. Но ответь, Гидеон, ты за или против?

– Какое это имеет значение? Главное, что ты согласен. У тебя слишком мягкое сердце, лэрд, а это огромный недостаток для человека твоего положения. С этим союзом мы еще хлебом бед.

– Ты прав, – развел руками Рамзи. – Но ведь и Отис верно сказал – им есть что предложить в обмен. И потом, неужели ты отвергнешь просьбу о помощи?

– Разумеется, нет, – сокрушенно пробормотал Гидеон. – Босуэллы не задумываясь расправятся с ними. Но меня больше тревожат Простер и его дружки.

– Рано или поздно им придется примириться с судьбой, – заверил Рамзи. – Ты слышал, что сказал Отис? Первый раз они голосовали четыре месяца назад. Кроме того, я сам стану приглядывать за ними.

– Значит, ты уже все решил, верно?

– Да, я буду рад такому прибавлению к нашему клану.

– Но что скажут воины...

Рамзи дружески хлопнул Гидеона по плечу.

– Их мы уговорим. И не смотри так уныло. Лучше давай на время позабудем обо всем и хорошенько повеселимся. Йен и Джудит Мейтленды здесь еще со вчерашнего дня, а я и словом с ними не перемолвился. Пойдем отыщем их.

– Не раньше, чем разберемся с неотложным делом, – уперся Гидеон.

Рамзи отпустил Энтони и Фодрона и всмотрелся в лицо командира.

– Судя по твоей ухмылке, тут что-то не так, – изрек он.

– Ошибаешься. Для твоего верного воина Дунстана Форбса это вопрос жизни и смерти. Но тебе лучше сесть, лэрд, ибо Дунстан просил позволения жениться на Бриджид Керк-Коннел.

– Еще один?! И которое это по счету предложение? – устало вздохнул Рамзи. – Сколько их всего было? Да говори же!

– Седьмое, включая мое, – расхохотался Гидеон, – но Дуглас клянется, что восьмое.

Рамзи сел и вытянул длинные ноги.

– А сама Бриджид знает о своей последней победе?

– Пока нет, но я взял на себя смелость послать за ней, – отозвался командир. – Она ждет снаружи, так что ты наконец встретишься с той занозой, что не дает тебе спать спокойно.

– Подумать только, Гидеон, ведь все это время я был уверен, что побил тебя в честном бою, когда решалось, кто из нас двоих будет лэрдом.

Гидеон, немедленно опомнившись, уставился на него:

– Но так оно и было!

– Уверен, что не поддался мне нарочно – лишь для того, чтобы никогда не связываться с Бриджид Керк-Коннел?

Гидеон снова засмеялся.

– Может быть... может быть... Признаю, что мне нравится бывать в ее обществе, потому что она не только красива, но и умна. Один ее вид вселяет радость в душу, но кроме того, у Бриджид сильный характер, каким наделены лишь немногие женщины. Отважна, смела, страстная натура... но при этом упряма, как Бьюкенены. Я рад, что она мне отказала, поскольку жизнь с таким неукротимым созданием отнюдь не легка.

– Как же случилось, что я вынужден отклонить уже три предложения, с тех пор как стал лэрдом, хотя ни разу не встречал эту особу?

– Она живет в доме дяди, в Карнуоте, и посылает отказы через его людей. Я отчетливо помню, как говорил тебе, что позволил ей помочь тетке с новорожденным. Все семейство тоже явилось на праздник, – объяснил Гидеон.

– Наверное, я забыл, – повинился Рамзи. – Однако свои отказы она выражает одними и теми же фразами. Это я знаю точно.

– Предчувствую, что сегодня ты услышишь эти слова в четвертый раз, а Дунстан прикнет к быстро растущим рядам отвергнутых поклонников с разбитыми сердцами.

– Во всем виноват мой отец, пообещавший папаше Бриджид, что доченька сама выберет себе мужа. А теперь расхлебывать мне. Боюсь, она так и останется в старых девах!

– Но что тут поделаешь? – возразил Гидеон. – Слово, данное старым лэрдом, – нерушимо. Отец Бриджид, отважный воин, на своем смертном одре подтвердил клятву. Интересно, что бы он сказал, узнав об ослином упрямстве дочери?

– Позови ее, – велел Рамзи, вставая. – И перестань ухмыляться. Смотреть противно! Нужно уважать просьбу Дунстана! Кто знает, а вдруг она согласится?

– Ну да, когда рак на горе свистнет, – фыркнул Гидеон, шагнув к выходу. Но внезапно замер, медленно повернулся и ехидно осведомился: – Кстати, тебе еще ни одна дама не вскружила голову?

– Нет, – раздраженно буркнул Рамзи.

– Тогда на твоём месте я бы поостерегся. Боюсь, тебя ждет нелегкое испытание.

Как выяснилось через минуту, предсказание Гидеона почти оправдалось. Появление Бриджид Керк-Коннел произвело на лэрда неизгладимое впечатление. Он едва не лишился дара речи при виде изумительно красивой юной дамы с белоснежной кожей, сверкающими глазами и густыми выющимися медово-рыжеватыми волосами, ниспадавшими едва не до талии. Господь наделил Бриджид и точеной фигуркой, так что Рамзи неподдельно удивился столь невеликому количеству брачных предложений.

Девушка присела и проворковала со сладкой улыбкой, осветившей шатер:

– Добрый вам день, лэрд Рамзи.

Рамзи учтиво поклонился:

– Вот мы и встретились наконец, Бриджид Керк-Коннел. Мне пришлось разрушить надежды нескольких искателей твоей руки, хотя я никак не мог взять в толк, почему им взбрело в голову жениться на столь своевольной девице. Теперь я понимаю причину настойчивости моих воинов.

Улыбка девушки куда-то пропала.

– Но мы уже встречались.

– Уверяю, я запомнил бы такое важное событие, – запротестовал Рамзи.

– Но это правда, – настаивала девушка. – Передо мной так и стоит та сцена, будто все случилось лишь вчера. Ты приехал домой на свадьбу двоюродного брата. Пока мои родители сидели за праздничным столом, я решила поплавать в озере за лощиной. Ты выудил меня из воды.

Рамзи заложил руки за спину и свел брови, пытаясь сосредоточиться. Гидеон нисколько не преувеличил. Она необыкновенная, восхитительная женщина.

– Почему я тебя выудил?

– Я тонула.

– Разве ты не умела плавать, девушка? – поинтересовался Гидеон.

– К моему величайшему изумлению, оказалось, что нет.

Она снова расплылась в улыбке, и сердце Рамзи учащенно забилося. Он втайне дивился самому себе. Мало ли хорошеньких девушек встречалось ему на пути, но никогда с ним такого не творилось. Наверное, все дело в ее улыбке, которой она покоряет всех мужчин без разбора.

А Гидеон? Он тоже теряет разум при виде Бриджид? Как только Рамзи найдет в себе силы отвернуться и не глазеть на пленительную фею, обязательно как следует оглядит своего командира.

– Но если ты не умела плавать, зачем полезла в озеро? – допытывался Гидеон, стараясь понять причину столь неразумного поступка.

– Мне казалось, что это совсем легко, – пожала плечами девушка, – и что стоит взмахнуть руками, как я удержусь на воде, но увы, я слишком поздно поняла свою ошибку.

– Ну и нахальная же девчонка, – заметил Гидеон.

– Нет, скорее глупая.

– Просто слишком юна и неопытна, – вставил Рамзи.

– Должно быть, волосы твоих родителей поседели задолго до срока, – съехидничал командир.

– Мне это не раз говорили, – вздохнула Бриджид, – но прошлого не вернешь. Однако, лэрд, я понимаю, почему ты не узнал меня. Я выросла и сильно изменилась. Но не стоит обвинять меня в упрямстве и дерзости. Я совсем не такова, лэрд.

– Тебе давно следовало быть замужем, – строго проворчал Рамзи. – Похоже, ты слишком своенравна. Все мужчины, которые хотели повести тебя к алтарю, – достойные люди и отважные воины.

– Уверена, что так, – согласилась Бриджид.

Рамзи шагнул к ней. Девушка отступила, словно зная, что ей предстоит, и желая быть как можно ближе к выходу, чтобы поскорее исчезнуть. Лэрд заметил, как настороженно она оглянулась, понял, о чем думает девушка, и едва не рассмеялся при виде столь явной паники. Неужели сама мысль о замужестве так для нее отвратительна?

– До меня дошла весть о том, что еще один воин просил твоей руки, – объявил лэрд. – Его зовут Дунстан. Ты знаешь такого?

– Нет, – покачала головой девушка.

– Он хороший человек, Бриджид, и наверняка будет лелеять и любить тебя.

– Почему? – выпалила она.

– Что «почему»?

– Почему он хочет жениться на мне? – допытывалась девушка. – Он объяснил?

Рамзи, до этого дня ничего не знавший о намерениях Дунстана, обратился к Гидеону:

– Он что-нибудь объяснил?

– Сказал, что хочет ее, – кивнул командир. Но Рамзи, уловивший в его голосе нерешительные нотки, понял, что Гидеон сказал не всю правду.

– Повтори его слова в точности, – потребовал он. Лицо Гидеона вспыхнуло.

– Но... девушка, наверное, не захочет знать подробности, – пробормотал он.

– Ты, по-моему, ошибаешься, – возразил Рамзи. Воин нахмурился, чтобы скрыть смущение.

– Так и быть. Бриджид Керк-Коннел, Дунстан клянется в любви к тебе. Ослеплен твоей красотой и боготворит землю, по которой ты... ты ступаешь. Господь мне свидетель, это все.

Рамзи улыбнулся, но Бриджид, очевидно, было не до смеха. Оскорбленная заочным объяснением в любви, она пыталась скрыть свои чувства, зная, что даже лэрд ее не поймет. Да и где ему? Он всего-навсего мужчина, которому нет дела до того, что творится в женском сердце.

– Чего тебе еще? – возмутился Гидеон. – Дунстан наверняка исполнит все, что обещает.

– Он сражен твоими чарами, – поддакнул Рамзи. – Может, подумаешь над его предложением? Если вы сядете вдвоем и спокойно все обсудите...

– Ну уж нет! – взорвалась девушка. – Не желаю сидеть с ним и тем более думать над его предложением! Я дам ответ здесь и сейчас. Не будете так добры передать Дунстану, что я благодарна ему, но...

– Но? – прошипел Гидеон.

– Но вынуждена отказать.

Именно в этих выражениях она успела отвергнуть остальных семерых искателей.

– Почему? – рявкнул Рамзи.

– Я не люблю его.

– Что общего любовь имеет с браком? Со временем придут и нежные чувства.

– Либо я пойду к алтарю с тем, кого люблю, либо не пойду вообще, – твердо провозгласила девушка, на всякий случай снова отступив.

– Ну что мне с ней делать? – беспомощно развел руками Рамзи.

– Ума не приложу, – вторил Гидеон. – Откуда она набралась этой чуши?

Грубость и бесчувственность мужчин, открыто обсуждавших Бريدжид, будто ее не было в комнате, казались поистине невыносимыми! Девушку трясло от гнева, но она старалась держать себя в руках, помня, что стоит перед самым лэрдом могущественного клана.

– Ты не передумаешь? – с надеждой спросил Рамзи.

– Я вынуждена отказать, – повторила девушка.

– Ах, Бريدжид, что ты за упрямца!

Очередной упрек больно ранил ее гордость и оказался последней каплей, переполнившей чашу терпения.

– Я пробыла здесь не больше десяти минут, и за это время вы называли меня упрямой, своенравной и даже нахальной. Если вам надоело оскорблять меня, я, пожалуй, вернусь к тете и дяде, – холодно бросила она. Рамзи уставился на нее, пораженный столь внезапным взрывом гнева. До сих пор ни одна женщина не смела говорить с ним в подобном тоне. Ее поведение граничило с наглостью, однако он не мог не признать, что девушка в чем-то права.

– Какая непочтительность! – взвился Гидеон. – Твой отец перевернулся бы в гробу, если бы услышал тебя!

Бриджид опустила голову, но Рамзи успел заметить блеснувшие в глазах слезы.

– Оставь ее отца в покое, – велел он.

– Но, лэрд, пусть по крайней мере извинится, – запротестовал Гидеон.

– Зачем? Это я обидел ее, хоть и ненамеренно, и должен просить прощения.

Бриджид резко вскинула голову.

– Вы извиняетесь?

– Да.

Лицо девушки озарила сияющая улыбка.

– Тогда, в свою очередь, должна признать, что была чересчур сварлива.

Она поклонилась и выбежала.

– Ну и злючка! – не выдержал Гидеон. – Жаль мне того несчастного, кто женится на ней, ибо вся его жизнь превратится в сплошное поле битвы.

– Да, но какой приятной битвы! – усмехнулся Рамзи. Гидеон удивленно покосился на него.

– Может, ты сам хочешь поухаживать...

Отчаянный вопль заглушил его слова. В шатер ворвался молодой воин Алан, сын Эммета Макферсона, с таким лицом, словно только сейчас увидел призрак отца.

– Лэрд, поспеши! Случилось ужасное... у водопада... – задыхаясь, бормотал он. – Твой брат... о Боже... твой младший брат...

Рамзи метнулся к выходу, но следующие слова Алана едва не сбили его с ног.

– Майкл мертв.

Глава 2

Англия. Времена правления короля Иоанна

Он, можно сказать, висел на ниточке над пропастью. В отчаянной попытке скрыться от врага, маленький мальчик несколько раз обмотал старую, брошенную кем-то веревку, найденную в углу конюшни, вокруг иззубренного валуна, и завязал тройным узлом, которому научил его дядюшка Эннис, а потом быстро, чтобы не терзаться сомнениями, соскользнул с края оврага, затянув петлю на левой руке. Слишком поздно парнишка вспомнил, что петлю нужно было захлестнуть вокруг талии и упираться в откос ногами, совсем как те закаленные воины, которые спускались по скалам Хантли к своему заветному местечку для рыбалки, где водилась верткая форель.

Но времени подняться и начать все сначала не оставалось. Острые, как иглы, камни ранили нежную кожу, и грудь и живот вскоре покрылись кровавыми царапинами. Мальчик надеялся, что отныне будет покрыт шрамами, всегда отличавшими истинных храбрецов, и хотя радовался, что в столь юном возрасте умудрился заработать подобные отличия, все же невольно морщился от боли. Но как бы ни саднили раны, он и не думал плакать, хотя видел ярко-красные капельки, усеявшие булыжники. Правда, это пугало его не меньше, чем грозившая неминуемая опасность...

О, если бы папа видел его сейчас! Наверняка встряхнул бы сына и строго спросил, уж не лишился ли он разума... а может, и разочарованно покачал бы головой. Но потом отец подхватил бы его на руки, и с этой минуты можно было бы ни о чем не волноваться и... *О, папа, почему тебя нет со мной?*

И тут слезы хлынули сами собой, и парнишка понял, что сейчас забудет все клятвы и расплатится, как дитя.

Господи, чего бы он не дал, лишь бы очутиться дома, на маминых коленях, позволить ей взъерошить его волосы и прижать к себе... слушать, как она встревоженно кудахчет над ним. Мама поможет ему прийти в себя, успокоиться, и папа не расстроится при виде пораненного сына, позабывшего уроки старших.

Мысли о родителях вызвали такую острую тоску по дому, что мальчуган тихонько захныкал. Грубые волокна веревки впивались в распухшие пальцы, и хватка его заметно слабея. Рука горела все сильнее, в животе бурлило, но он старался не обращать внимания на боль, однако страх все сильнее завладевал им, и единственным стремлением было убраться подальше, пока дьявол не заметил его исчезновения.

Спуск оказался куда труднее, чем он предполагал, но мальчик не отступал, стараясь не глядеть в зияющий провал, глубокий, как адская дыра. Он пытался представить, что всего-навсего спускается с высокого дерева, там, у себя дома, потому что проворнее его не было среди мальчишек и даже старший брат не мог с ним равняться. И папа часто так говорил!

Измученный ребенок на несколько мгновений замер. Подняв голову, он поразился, как высоко до края оврага, и на мгновение испытал истинную гордость своей отвагой. Но тут веревка начала разматываться. Недолгая уверенность в себе моментально сменилась ужасом, и мальчик громко расплакался в полной уверенности, что никогда больше не увидит родителей.

К тому времени как леди Джиллиан добралась до мальчика, грудь ее пылала, как в огне, воздуху не хватало, а глаза заливало потом. Она пробиралась по еле заметным тропинкам через густой лес, не жалея ног, и как только добралась до обрыва и услышала детский крик, почти рухнула на землю, обмирая от облегчения. Слава Богу, мальчик еще жив!

Однако радость быстро сменилась ужасом, когда она взялась за веревку и обнаружила, что волокна перетерлись до такой степени, что малейший толчок – и ребенок полетит в про-

пасть. Джиллиан боялась даже прикоснуться к канату, опасаясь, что острые камни в два счета довершат разрушение.

Громко приказав парнишке не двигаться, она легла на живот и заставила себя взглянуть в темнеющий провал. Девушка всегда боялась высоты и сейчас ощутила, как тошнота подступает к горлу. Господи, как же спасти его? Вернуться и раздобыть веревку покрепче? Нет, поздно – мальчик успеет сорваться, и к тому же слишком велики шансы, что их настигнут воины Элфорда.

Из скалы грубым подобием ступенек выступали зазубренные камни, и Джиллиан поняла, что более опытный человек на ее месте сумел бы спуститься.

Только никто и никогда не называл ее опытной или ловкой. Голова кружилась, перед глазами все плыло, но она не может, не имеет права покинуть ребенка в опасности. Веревка вот-вот лопнет, и он полетит навстречу смерти.

Выбора не было. Наскоро пролепетав молитву о ниспослании мужества, Джиллиан тяжело перевалилась через край.

«Только не смотри вниз. Только не смотри», – твердила она себе.

Джиллиан вскрикивала от радости каждый раз, когда ее нога касалась камня. Лестница. Это лестница, ничего больше.

Поравнявшись наконец с мальчиком, она прислонилась лбом к холодному булыжнику, закрыла глаза и поблагодарила Создателя за то, что хранил ее. Немного отдохнув, она осторожно повернулась к ребенку. Такой маленький, не старше пяти-шести лет, и все же отчаянно пытается быть храбрым и смелым. И сразу послушался ее: вот уже несколько минут неподвижно висит на одной руке, сжимая в другой клинок – ее клинок. В глазах стынет ужас, на щеках следы от слез... Как же ноет за него сердце!

Джиллиан – его единственная надежда на спасение, и все же мальчик упорно отказывается довериться ей. Глупенький упрямец, не хочет ни взглянуть на нее, ни слова сказать, и каждый раз, когда Джиллиан пытается схватить его, рассекает кинжалом воздух и уже ухитрился несколько раз порезать ей руку. Но она не бросит его, даже если придется погибнуть.

– Прекрати немедленно и дай мне помочь! – разозлилась она наконец. – Клянусь небом, у тебя в голове одна солома! Неужели не видишь, что веревка вот-вот лопнет?!

Очевидно, резкость тона оказалась убедительнее любых доводов: мальчик немного опомнился, рассудок вернулся к нему. Увидев, как с пальцев девушки капает кровь, он понял, что наделал, и отбросил кинжал.

– Простите, леди, – вскрикнул бедняга на гэльском наречии, – простите! Настоящий мужчина никогда не причинит зла даме!

Он говорил так быстро и невнятно, что Джиллиан едва его понимала, тем более что почти не знала гэльского.

– Ты позволишь помочь тебе? – повторила она, с трудом подбирая слова, и прежде чем мальчик успел ответить, вскрикнула: – Да не вертись ты так! Осторожнее! Сейчас я дотянусь до тебя!

– Скорее, леди, – прошептал он, на этот раз по-английски.

Джиллиан подвинулась ближе, держась за углубление над головой, и едва успела обнять его за талию окровавленной рукой, как веревка лопнула. Если бы мальчик не стоял к тому времени на выступе, они оба полетели бы вниз. Джиллиан прижала его к себе и громко вздохнула.

– Вы успели в самый раз, – сообщил он, срывая с себя остатки веревки и швыряя ее в пропасть. Ему хотелось посмотреть, как она упадет на землю, но Джиллиан стиснула его и велела не шевелиться.

– Мы добрались сюда, – еле слышно пролепетала она, – осталось самое трудное.

Мальчик распознал дрожь в голосе спасительницы.

– Бойтесь, леди? – догадался он.

– О да, еще бы! Послушай, теперь я тебя отпущу. Прислонись к скале и не двигайся. Сейчас я поднимусь и...

– Но мы должны спускаться!

– Не ори, пожалуйста, – поморщилась Джиллиан. – Ничего не получится. Не найдем опоры. Разве не видишь, что ниже скала совсем гладкая?

– Но если вы вернетесь и найдете веревку потолще, мы...

– Об этом не может быть и речи, – перебила она.

Схватившись за край крошечной ямки, она честно, но, увы, безуспешно попробовала подтянуться. Напрасно. У нее попросту не хватало сил.

– Знаете что, леди?

– Тише, – прошептала она, готовясь к новой попытке.

– Но вы знаете, что...

– Нет, – устало обронила она, откинув голову на камень и стараясь унять заколотившееся сердце.

– Под нами большущий выступ. Я сам видел. Спрыгнуть совсем нетрудно. Посмотрите вниз, леди, это близко.

– Не хочу.

– Придется! Мы могли бы даже сползти.

– Нет! – завопила она и снова неуклюже повисла на руках. Если бы только удалось вскарабкаться на тот камень, что над головой, она нашла бы способ поднять малыша.

Тот критически наблюдал за ее бесплодными усилиями.

– Ты что, слишком слабая, да?

– Наверное.

– Давай помогу.

– Нет, оставайся на месте, – велела девушка. Все зря, она ни на что не способна. Почти теряя голову от страха, Джиллиан никак не могла сообразить, что предпринять дальше. Господи Боже, она в жизни так не боялась!

– Знаете что, леди? – снова пропищал неугомонный постреленок.

Оставив всякую надежду утихомирить его, Джиллиан покорно спросила:

– Что?

– Нам нужно вниз.

– Ну уж нет, только вверх.

– Почему же мы стоим – и ни туда ни сюда?

– Потерпи немного, – приказала Джиллиан. – Я никак не найду опору. Дай мне несколько минут, и все будет в порядке.

– Ты не сможешь подняться, потому что я тебя ранил, – пояснил мальчик. – У тебя вся одежда в крови. Прости меня, но очень уж я трусил.

Похоже, он вот-вот расплчется. Нужно как можно скорее успокоить беднягу.

– Пустяки, – утешила она. Очередная попытка ни к чему не привела, и Джиллиан, застав от злости, наконец сдалась. – Похоже, ты прав. Придется спускаться.

Она медленно повернулась, боясь соскользнуть с узкого выступа, прижалась спиной к откосу и села. Мальчик немедленно плюхнулся рядом – так поспешно, что у Джиллиан едва сердце не разорвалось. Она схватила его за руку.

– Прыгаем? – с энтузиазмом осведомился он.

Нет, у этого ребенка ни капли здравого смысла!

– Никаких прыжков. Сползем потихоньку вниз, медленно и очень осторожно. Крепче держись за меня.

– Но у тебя кровь!

Джиллиан быстро вытерла ладонь о юбку, снова сжала пальцы мальчика. Вместе они опасливо вперились глазами в бездонную глубину: девушка желала убедиться, что карниз достаточно широк. Она снова помолилась, затаила дыхание и спорхнула вниз. Расстояние действительно было невелико, однако сила удара была такова, что оглушила Джиллиан. Малыш потерял равновесие, покачнулся, и она едва успела дернуть его назад. Он бросился в ее объятия, впечатав с размаху в скалу, и зарылся лицом в ее плечо. Он так дрожал, что Джиллиан погладила его по голове и чмокнула в макушку.

– Я едва не грохнулся в пропасть.

– Верно, – со вздохом согласилась она, – зато теперь мы в безопасности.

– Но разве мы не спустимся дальше?

– Нет. Останемся здесь.

Прошло несколько минут, прежде чем мальчик отпустил Джиллиан. Как быстро он оправился, хотя едва разминутся со смертью! Еще минута, и он пополз к другому, более широкому краю карниза, защищенному естественной нависающей крышей из камня и глины.

Довольный результатами осмотра, он сел, скрестил ноги и поманил Джиллиан.

– Ну уж нет, – отказалась та. – Мне и здесь хорошо.

– Сейчас пойдет дождь, и ты промокнешь. Это совсем нетрудно. Гляди только на меня.

И в подтверждение его предсказания где-то вдали пронесся громовой раскат.

Она смирилась и поползла к нему. Сердце стучало сотнями барабанов, от страха, казалось, вот-вот вывернет наизнанку. Похоже, у ребенка куда больше храбрости, чем у нее, взрослой дуры!

– Интересно, почему ты не любишь смотреть вниз? – подметил мальчик, подбираясь к самому обрыву.

Ахнув, Джиллиан вцепилась в его ноги и потянула назад.

– Не смей!

– Но я хотел сплунуть, чтобы увидеть, куда упадет!

– Сядь рядом и подожди немного. Нужно подумать, как быть дальше.

– Но все же почему ты жмуришься и боишься открыть глаза?

– Так уж выходит.

– Может, тебе плохо? Лицо у тебя совсем зеленое, ну прямо как трава. Наверное, тошнит?

– Нет, – устало отмахнулась она.

– Значит, трусишь?

Неужели он никогда не отвяжется?

– Почему ты все время трещишь как сорока?

Мальчик с деланным сожалением пожал плечами:

– Не знаю. Так уж получается.

– И я понятия не имею, почему так боюсь высоты. Стараюсь даже никогда не выглядывать из окна спальни, потому что до земли так далеко! Сразу перед глазами все кружится.

– Интересно, все английские леди такие?

– Не думаю.

– Ну уж нет, они всегда ужасно хилые и тщедушные, – безапелляционно заявил малыш. – Так дядя Эннис говорил.

– Твой дядя ошибается. Многие женщины ничем не хуже мужчин и могут делать то же, что и они.

Ребенок, должно быть, посчитал, что она шутит, потому что хохотал до упаду, так что по щекам потекли слезы. Странно, откуда в маленьком мальчике столько спеси?

– А как тебя зовут, леди? – поинтересовался он, немного успокоившись.

– Джиллиан.

Парнишка, по-видимому, ожидал, что она, в свою очередь, захочет знать, как зовут его, но, не услышав встречного вопроса, подтолкнул ее локтем.

– Не желаешь услышать мое имя?

– Мне все известно, малыш. Я подслушала, как солдаты толковали о тебе. Ты Майкл и принадлежишь к клану, глава которого некий лэрд Рамзи. Ты его младший брат.

Но мальчик яростно затряс головой.

– Я вовсе никакой не Майкл, – признался он, прижимаясь к ней и беря ее за руку. – Мы решили сыграть кое с кем одну штуку, когда пришли чужаки и схватили меня. Сунули в мешок из-под муки.

– Ты, должно быть, очень испугался, – посочувствовала Джиллиан. – А о какой штуке ты говоришь? – И прежде чем он успел ответить, добавила: – Кстати, почему ты не подождал меня в конюшне? Мы могли бы ускользнуть без всякого труда, если бы ты меня послушал и сделал, что приказано. И зачем тыкать кинжалом мне в руку? Ты ведь знал, что я твой друг. Кто отпер дверные замки? Вместо того чтобы довериться мне...

– Каждому известно, что англичанам доверия нет.

– Это твой дядя Эннис наговорил?

– Нет, дядя Бродик, – объяснил малыш. – Но я и сам знал.

– Разве ты мне не веришь?

– Может, и верю, – неохотно отозвался он. – Я не хотел ранить тебя. Здорово болит?

Рука с каждой минутой ныла все сильнее, но, видя беспокойство в глазах парнишки, Джиллиан не решилась сказать правду. Ребенку и так пришлось немало пережить, не стоит добавлять ему тревог.

– Заживет, – уверила она. – Вот только кровь остановить не мешало бы.

Под неотступным взглядом сорванца она оторвала полоску от нижней юбки и обмотала руку. Мальчик помог ей завязать узел, и Джиллиан натянула пониже изорванный окровавленный рукав.

– Ну вот, совсем как новенькая.

– А знаешь что? – снова завел свою песенку мальчик.

– Ну что? – измученно вздохнула Джиллиан.

– Я тоже расцарапал пальцы! – Он поднял грязную ладошку, словно хвастаясь небывалым подвигом. – Теперь я совсем ничего не могу делать, потому что уж очень они горят.

– Представляю.

Лицо проказника осветилось ангельской улыбкой. Он и в самом деле походил на маленького херувимчика, со своими вьющимися волосами и огромными серыми глазами. Нос и щеки были усыпаны веснушками. Он отодвинулся от нее и поднял тунику, открыв живот и грудь.

– Теперь у меня останутся шрамы!

– Ну, так уж и шрамы, – начала она, но, увидев его удрученную мордашку, осеклась и поспешно заверила: – Наверное, так оно и есть. Ты ведь хотел бы их иметь, верно?

– Угу, – кивнул он.

– Почему?

– У всех воинов шрамы. Знаки доблести, – так серьезно сообщил малыш, что Джиллиан не посмела улыбнуться.

– А что такое доблесть, знаешь?

– Нет, но что-то очень хорошее.

– Верно. Доблесть – это отвага и мужество, а что может быть лучше? Наверное, эти царапины саднят. Когда мы выберемся отсюда и вернемся в замок, я попрошу служанку смазать все порезы и ссадины и тебе сразу полегчает. Некоторые из женщин постарше помнят меня. Они помогут, – пообещала Джиллиан.

– Но нам нельзя возвращаться! – рассердился малыш.

Перемена была столь неожиданной и резкой, что девушка растерялась.

– Да пойми же! – уговаривала она. – Мы здесь в ловушке и никуда не можем спуститься.

– Я подползу к краю и посмотрю...

– Ни за что! – оборвала Джиллиан. – А вдруг камень не выдержит твоего веса? Неужели не видишь, как он сужается?

– Но я...

– А я не позволю тебе рисковать.

– Не пойду обратно, – всхлипнул мальчик. – Хочу домой.

– Знаю и постараюсь тебе помочь, – сочувственно кивнула Джиллиан. – Обязательно найду способ.

Но похоже, мальчика убедить не удалось. Правда, он чуть расслабился и громко зевнул.

– А знаешь, что твердит дядя Эннис? Если англичанин дал тебе слово, считай, что остаешься в дураках.

– Я просто обязана познакомиться с твоим дядюшкой и просветить его относительно некоторых истин.

– Он и говорить с тобой не захочет, – фыркнул малыш, – уж я-то знаю! – И, немного помолчав, добавил: – Джиллиан, я спрятался было в конюшне, но туда вошел противный урод, вот я испугался и сбежал.

– Хочешь сказать, сам барон явился туда?

– Ужасное чудовище с рыжей бородой.

– Это он. Барон видел тебя?

– Не думаю. Я спрятался в зарослях, а он куда-то уехал вместе с двумя вооруженными людьми. Может, и насовсем.

– О, вот уж это нет, – твердо заявила девушка, не желая давать мальчику напрасных надежд. – Он обязательно примчится – если не завтра, то послезавтра.

С уморительно нахмуренными бровями мальчик казался куда старше своих лет, и это опечалило Джиллиан. Дети должны носиться по лугам и полям, смеясь, озорничая, а это дитя оторвали от дома, чтобы использовать как пешку в жестоких играх барона Элфорда. Жизнь этого ни в чем не повинного ребенка превратилась в настоящий кошмар.

– Ты все еще боишься, Джиллиан?

– Нет.

– А я вот никогда не трушу, – похвастался парнишка.

– Неужели?

– Почти никогда, – поспешно поправился он.

– Сколько тебе лет?

– Почти семь.

– Почти?

– Да. Скоро будет.

– Ты очень храбрый мальчик.

– Знаю, – деловито подтвердил он. – Но как случилось, что эти люди украли меня прямо с праздника? Я в первый раз туда приехал – и так веселился! Наверное, все потому, что мы с приятелем решили подшутить над нашими семьями.

– Нет, – вздохнула она, – дело не в этом.

– Значит... значит, я сделал что-то плохое?

– О нет, что ты! Ты ни в чем не виноват. Просто попал между молотом и наковальней, вот и все. Барону что-то нужно от меня, и ты каким-то образом имеешь к этому отношение. Правда, он еще не открыл, в чем дело.

– Ничего, скоро все кончится! Барон отправится в ад, потому что мой папа пошлет его туда! Я скачаю по маме и папе, – дрогнувшим голосом признался он.

– Еще бы! Должно быть, они с ума сходят, разыскивая тебя.
– Вовсе нет, потому что, знаешь, они ведь верят, что я мертв.
– Не дай Бог! С чего ты взял?
– Барон говорил своим друзьям.
– В таком случае ты проведал о его намерениях? – резко спросила она.
– Может, и так, – протянул мальчик. – Те, что схватили меня, все обставили так, будто я ударился головой о камни, упал в воду и утонул. Так он сказал. Клянусь, моя мама глаз не осушает.

– Ах, бедняжка...

– Она тоскует по мне день и ночь.

– Конечно. Но подумай, как счастлива она будет, когда ты вернешься домой. А теперь скажи, что ты еще слышал? – допытывалась девушка, пытаясь говорить как можно небрежнее, чтобы не расстраивать мальчика.

– Да все, что они там болтали, и знаешь почему? Я и их одурачил. Барон понятия не имел, что я все понимаю, потому что я притворился немым и не говорил ни слова, даже по-гэльски.

– Это очень умно с твоей стороны, – похвалила Джиллиан, и малыш тут же гордо задрал нос и расплылся в улыбке.

– Поведай мне все до последнего слова и смотри не пропусти ни единой мелочи.

– Когда-то, давным-давно, барон потерял шкатулку и теперь, похоже, узнал, где она. Кто-то ему донес.

– Кто? Барон назвал его имя?

– Нет, но тот человек умирал. У шкатулки какое-то смешное название, но я позабыл какое.

Джиллиан от неожиданности задохнулась. Желудок словно скрутило тугим комом. Теперь она поняла, отчего Элфорду взбрело в голову вновь затащить ее в Даненшир, и это ужасное озарение поразило ее как громом.

– Арианна, – прошептала она. – Он называл ее шкатулкой Арианны, верно?

– Да! – возбужденно воскликнул ребенок. – Откуда... Ты вспомнила?!

Джиллиан не ответила. Голову раздирали бесчисленные вопросы. О Господи, неужели Элфорд нашел Кристен?

– Как ты выучила гэльский?

– Что? – вскинулась она, не сразу уловив смысл вопроса.

– Откуда ты знаешь гэльский? Что молчишь? Разозлилась, потому что спросил? – разволновался мальчик.

– Нет, разумеется, нет, – заверила она. – Просто моя сестра Кристен живет на Шотландском нагорье, и...

– А где именно на Шотландском нагорье? – перебил ребенок.

– Точно не уверена...

– Но...

– Говорю же, не уверена. Когда узнаю в точности, обязательно поеду туда и хочу говорить с ней по-гэльски.

– Но как получилось, что она живет в Шотландии, а ты нет?

– Потому что меня взяли в плен, – уныло пробормотала Джиллиан. – Давно, когда я была совсем маленькой, барон и его солдаты захватили Даненшир. Отец пытался спасти меня и сестру, но в хаосе битвы нас с Кристен разлучили.

– И твоя сестра потерялась?

– Вовсе нет. Ее увезли на север, в Шотландскую низменность, к одному из людей, оставшихся верным моему отцу. Наш дядя Морган из кожи вон лез, чтобы узнать, где она, но оказалось, что Кристен исчезла в горах. Надеюсь, что в один прекрасный день я ее найду.

– Тебе плохо без нее?

– Очень. Мы так долго не виделись, что вряд ли узнаем друг друга. Дядя Морган считает, что семья, принявшая Кристен, должно быть, сменила ей имя, чтобы уберечь от опасности.

– Ей тоже барон угрожал? – оживился мальчик.

– Да, к несчастью. Все же Кристен обязательно вспомнит свою младшую сестричку.

– А если нет?

– Быть не может! – упрямо возразила Джиллиан.

Прошло несколько долгих минут благословенной тишины, прежде чем мальчик снова принялся за свое.

– А знаешь что? – в сотый раз повторил он.

– Ну что, надоеда?

– Я запросто могу болтать на твоём языке, потому что мама меня научила, хотя папа ругал ее за это и говорил со мной только по-гэльски. Даже не помню, откуда я его запомнил. Сам собой в голову влез, должно быть.

– Ты просто молодец и сообразительный малый.

– Так и мама сказала. Гэльский язык ужасно трудный, потому что многие кланы по-своему произносят слова, и их трудно понять, и к тому же много времени уходит на то, чтобы вызубрить всякие новые выражения. Дяде Бродику приходится говорить со мной на наречии моего клана, иначе я никак не соображаю, о чем он толкует. Но даже если ты и понимаешь их язык, это все равно не важно, потому что с тобой никто и слова не проронит, пока дядя не разрешит.

– Но почему?

– Да ведь ты англичанка, – пояснил ребенок, раздраженный ее непонятливостью. – Ой! Уже темнеет! Ты и темноты боишься?

– Нет, успокойся.

Он страстно желал, чтобы девушка обняла его и привлекла к себе, но все намеки до нее не доходили. И наконец мальчик, доведенный до отчаяния, взял ее руку и положил себе на плечо.

– Ты пахнешь совсем как моя мама.

– Как именно?

– Хорошо, – прерывающимся шепотом признался мальчик, очевидно, измученный тоской по дому. – Может, барон и не найдет нас...

– Либо он, либо его воины обязательно увидят веревку, обмотанную вокруг валуна, – мягко напомнила Джиллиан.

– Не хочу назад! – охнул мальчик и разразился слезами. Джиллиан наклонилась над ним, пригладила непокорные локоны и поцеловала в лоб.

– Тише, дорогой, обещаю, все будет хорошо. Я обязательно найду способ тебя выручить.

– Но ты всего лишь женщина! – зарыдал малыш.

Господи, как отвлечь его и вселить в сердце ребенка надежду? Его рыдания были для нее настоящей пыткой, и она, окончательно потеряв голову, выпалила:

– Ты знаешь, что такое покровитель?

– Все равно что защитник, – всхлипнул ребенок, вытирая кулачками слезы. – Сначала у меня был один защитник, а потом дали другого. В нашем клане каждый малыш получает защитника с самого рождения. Тот должен присматривать за мальчиком или девочкой, чтобы с ними не случилось ничего дурного. Раньше моим опекуном был Энгус, но потом он умер.

– Мне очень жаль, – покачала головой девушка. – Уверена, что Энгус был настоящим защитником.

Силы Джиллиан были на исходе, а пустая болтовня утомляла ее еще больше. Рука горела и пульсировала, словно охваченная огнем. Но она преисполнилась решимости занимать ребенка беседой, пока тот не задремлет.

– Позже мне назначили нового защитника, – продолжал он. – Папа долго-предолго над этим раздумывал, потому что желал выбрать мне самого лучшего, такого же сильного и неукротимого, как у Грэма.

– Грэм? Кто это?

– Мой брат, – отмахнулся мальчик.

– И кого же в конце концов выбрал твой отец?

– Своего друга, – сообщил парнишка. – Он могучий воин, знатный лэрд и знаешь что?

– Что? – улыбнулась девушка.

– Еще он ужасно грозный. И это самое главное. Поэтому папа считает, что лучшего опекуна не найти.

– Только оттого, что он грозный?

– И еще сильный, – добавил мальчик. – Может расщепить дерево одним взглядом. И потом он бывает жесток, только когда требуется. Так дядя Эннис твердит.

– Кстати, твой защитник – не тот ли самый знаменитый Эннис?

– Ну уж нет, – покачал он головой. – Дядя Эннис не годится. Он слишком добрый.

– Но разве это не прекрасно?! Самые лучшие покровители всегда выходят из добрых людей, – возразила Джиллиан, но мальчик смерил ее снисходительным взглядом, словно услышал невероятную глупость.

– Нет, к врагам нужно быть беспощадным. Поэтому папа и попросил об услуге дядю Бродика. Он и есть мой новый опекун, и никогда никто не назвал его милым и добрым. Знаешь что?

Этот неизменный вопрос уже доводил ее до умопомрачения.

– Ну что тебе?

– Бродик, наверное, изрыгает пламя, как дракон, потому что уговаривал папу не брать меня на праздник, но мама, как всегда, добилась своего и папа сдался.

– А твой дядя Бродик тоже приехал?

– Нет, он никогда не бывает на праздниках, потому что там слишком много англичан. Бьюсь об заклад, он уверен, что я не погиб. Он новый лэрд над всеми Бьюкененами, и каждому ясно, что упрямее Бьюкененов никого на свете нет. Теперь, когда он стал моим защитником, я зову его дядей. Может, он явится сюда и найдет меня, прежде чем приедет папа.

– Наверное, – утешила его девушка. – Почему бы тебе не положить голову мне на колени? Закрой глаза и отдохни немного.

– Ты не уйдешь, пока я сплю?

– Куда, солнышко?

Мальчик улыбнулся, поняв всю беспочвенность своих волнений.

– Мне будет плохо без тебя. Я сам слышал, как барон хвастался друзьям, что ты собираешься отправиться за сестрой. Он лопнет от злости, когда узнает, что ты понятия не имеешь, где она.

– Почему ты не сказал этого раньше?

– Забыл.

– А что еще он болтал, этот мерзавец? – допрашивала Джиллиан.

– Вроде того, что король тоже ищет шкатулку, но барон хвастался, что доберется до нее первым. Больше ничего не помню, – проныл парнишка. – Хочу, чтобы пришел папа и спас меня...

– Пожалуйста, не плачь, – заклинала девушка, прижимая его к себе. – Мальчик, у которого целых три защитника, должен смеяться!

– Но у меня всего один!

– Нет, три! Отец, Бродик и я. Я стану твоей покровительницей. И буду оберегать, пока ты благополучно не окажешься дома.

– Но дамы не могут быть защитницами.

– Конечно, могут!

Парнишка долго раздумывал над такой возможностью, прежде чем кивнуть:

– Так и быть. Но тогда ты должна мне дать кое-что.

– Я?!

– Ну да, – подтвердил он. – Защитник всегда дает мальчику или девочке, за которым ему поручено приглядывать, что-то ценное.

– И твой дядя Бродик тоже?

– Конечно! Он передал для меня с папой свой лучший кинжал. На рукояти его герб! Папа велел сделать для него кожаные ножны и позволил взять с собой на праздник. Теперь он пропал.

– Что случилось? – расстроилась девушка.

– Один из воинов барона отобрал его у меня и бросил на сундук в большом зале.

– Попробуем стащить его оттуда, – решила Джиллиан.

– А ты? Что дашь мне ты? – не отставал он.

Джиллиан подняла руку.

– Видишь это кольцо? Оно мне дороже всего на свете.

В тусклом сумеречном свете разглядеть что-либо было почти невозможно, и поэтому ребенок поднес ее пальцы к самым глазам.

– Красивое, – одобрил он.

– Принадлежало моей бабушке. Дядя Морган подарил мне его на последний день рождения. Я продену сквозь него ленту и повешу тебе на шею. Носи под туникой, чтобы барон не заметил.

– Ты насовсем его отдала? – обрадовался сорванец.

– О нет, – покачала она головой. – После того как я сдержу обещание и благополучно верну тебя домой, отдашь мне кольцо.

– Мама обязательно расплатится от счастья, а папа – нет, хоть и обрадуется, потому что воины никогда не плачут. Однако, боюсь, плохо мне придется, потому что рано или поздно, а нужно честно признаться, что я его ослушался.

– Ослушался? Каким же образом?

– Он запретил мне и близко подходить к водопаду. Сказал, что мальчикам опасно играть в таком месте, потому что камни скользкие. Но я все равно отправился туда со своим другом, и когда обо всем поведаю папе, он здорово на меня обозлится.

– А ты его боишься?

– Ну да! Вот еще! – ухмыльнулся парнишка. – Чтобы я боялся отца?!

– В таком случае почему ты так волнуешься?

– Потому что он обязательно заставит меня пройти с ним и попросит хорошенько подумать о том, что я наделал, и объяснить, в чем не прав... ну и накажет...

– Побьет?

– Нет... запретит кататься верхом вместе с ним, и хуже ничего быть не может, потому что я ужасно люблю, когда он сажает меня перед собой в седло. И даже разрешает держать поводья.

Джиллиан потерла ему спину и посоветовала пока не волноваться зря. Но мальчик еще не кончил исповедоваться в грехах.

– Это еще не все. Придется сказать, что натворили мы с Майклом.

– Твоего друга тоже зовут Майклом?

– Он и есть Майкл. Я же говорил, мы сыграли шутку, – напомнил он.

– Ну и ни к чему сейчас мучиться. Твоему отцу нет никакого дела до ваших игр.

– Да, только...

– Спи, – приказала Джиллиан.

Ребенок успокоился и на время умолк. Девушка уже обрадовалась было, что он спит, и принялась обдумывать свое невеселое положение.

– А знаешь что?

– Что? – покорно спросила она.

– Ты вроде ничего, хорошая, но остальных англичан я терпеть не могу, а дядя Эннис – тот их просто ненавидит. Твердит, что если пожмешь англичанину руку, то без пальцев останешься. Но ведь это неправда, Джиллиан?

– Неправда.

– А ты не жалеешь, что родилась англичанкой?

– Нет, но обидно, что Элфорд – мой земляк.

– Он настоящий болван. Знаешь почему?

У Джиллиан было такое чувство, что он не отстанет от нее, пока не выскажется.

– Почему? – покорно повторила она.

– Потому что считает меня Майклом.

Девушка перестала растирать ему спину и замерла.

– Так ты в самом деле не Майкл?

– Я же говорил, это мой друг! Этот олух барон вообразил, что я брат Рамзи! Мы поменялись пледом. Хотели посмотреть, сколько пройдет времени, прежде чем кто-то заметит. Когда стемнеет, я собирался отправиться в шатер Майкла, а он – в мой.

– О Господи, – ошарашенно прошептала она. Просто дух захватывает от ужаса! Невинный малыш понятия не имел, как важно то, что он только сейчас ей сообщил. Беднягу волновало лишь то, что сделает и скажет отец, когда узнает, что за трюк выкинули сорванцы. Недолго час, когда Элфорд обнаружит правду, и тогда мальчик обречен!

Джиллиан схватила его за плечи и притянула к себе.

– Послушай, – потребовала она, – поклянись ни одной живой душе не открывать того, что сказал мне сейчас.

Слабый отблеск последних лучей падал на серые камни обрыва, и Джиллиан пристально взгляделась в лицо мальчика.

– Кто ты? – прошептала она наконец.

– Алек.

Джиллиан отдернула руку, словно обжегшись, и прислонилась к скале.

– Ты Алек?! – охнула она, не в силах опомниться. Но ребенок, словно не замечая ее изумления, ехидно ухмыльнулся:

– Вот видишь? Барон – настоящий осел, потому что схватил вовсе не того парня.

– Понятно. Алек, а твой друг видел, как люди Элфорда утащили тебя?

Алек сосредоточенно прикусил губу, обдумывая ответ.

– Нет, – пробормотал он. – Майкл побегал в шатер взять лук и стрелы, потому что мы хотели посмотреть, сумеем ли попасть в дерево на том берегу, когда на меня набросили мешок. Но знаешь что? По-моему, те люди не были воинами барона! Они носили пледы.

– Сколько их было?

– Не знаю... может, трое.

– Если это горцы, значит, они гнусные предатели, сообщники барона, – пробормотала девушка, взволнованно проводя рукой по волосам. – Что за кошмар!

– А если барон узнает, что я не Майкл? Осатанеет! И даже заставит предателей вернуться и схватить моего друга. Надеюсь, его они в мешок не посадят. Уж очень там жутко!

– Нужно любым способом предупредить семью Майкла об опасности.

Что же делать? Как проникнуть в подлые замыслы Элфорда?

– Алек, но если вы поменялись одеждой, неужели никто из его клана не заметил? Он наверняка признался во всем брату.

– А вдруг слишком трусит, чтобы сказать все начистоту?

– Сколько Майклу лет?

– Не знаю. Может, столько, сколько мне. Знаешь что? Я бы на его месте просто скинул плед. Именно так я и поступаю, когда сильно пугаюсь, а он ужасно боится рассердить брата, особенно потому, что почти не знает его. Тот совсем недавно стал лэрдом. Майкл вроде как опасался сыграть эту шутку, не хотел попасть в беду. Это я во всем виноват, – неожиданно выкрикнул мальчик, – заставил его согласиться!

– Никто ни в чем не виноват. Нечего зря страдать. Ну, играли вы в совершенно обычные игры, вот и все. А теперь прислонись ко мне и помолчи немного, дай подумать хорошенько.

Но не тут-то было. Нечего и пытаться унять этого непоседу. Помолчав ровно две секунды, он снова оживился.

– Знаешь что?

И когда Джиллиан не ответила, принялся дергать ее за рукав.

– Знаешь что?

– Ну? – сдалась она.

– У меня зуб шатается.

В подтверждение своей правоты Алек заставил ее пощупать свой передний зуб.

– Видишь, как вихляется? Может, к завтраму и выпадет, – с энтузиазмом объявил он, и у Джиллиан сжалось сердце. Как же он все-таки еще юн, если перспектива потери зуба приводит его в такой восторг!

– Папа собирался его выдернуть, только ждал, пока он окончательно ослабнет, – заключил мальчик и с громким зевком уткнулся головой в колени Джиллиан, терпеливо выжидая, пока она снова потрет ему спинку. – Я хотел попросить папу вытащить его на празднике, потому что Майкл собирался посмотреть, как это делается. Майкл принадлежит Рамзи, – напомнил он, на тот случай, если Джиллиан забыла.

– А ты? Кому принадлежишь ты, Алек?

Малыш буквально раздулся от самодовольства.

– Я сын Йена Мейтленда! – провозгласил он.

Глава 3

Элфорд обожал игры. Особенно те, где можно было дать волю злобе и жестокости.

И теперь развлекался вовсю, хотя, говоря по правде, день начался совсем не так уж удачно. Он вернулся в Даненшир к полудню воскресенья, замерзший и промокший до костей из-за неожиданного проливного дождя, застигшего его врасплох по дороге, и чувствовал себя жалким и несчастным. Известие о том, что леди Джиллиан пыталась помочь пленнику сбежать, отнюдь не улучшило его настроения. Но прежде чем успел довести себя до иступления – он уже убил несчастного, сообщившего плохую новость, – Джиллиан и мальчишку разыскали и привели в замок.

Теперь они стояли перед ним в ожидании приговора. Предвкушение долгожданного развлечения лишь усиливало наслаждение Элфорда. Он хотел, чтобы они истерзались собственными страхами, воображая, какие пытки ждут впереди. Часть игры... часть игры...

Этот дурачок, брат Рамзи, слишком глуп, чтобы понять или сказать что-то, хотя, судя по тому, как старается придвинуться к Джиллиан, сильно напуган. Она же, со своей стороны, оказалась сплошным разочарованием, и не зная он ее получше, посчитал бы, что девчонка намеренно пытается испортить ему удовольствие. Похоже, ей наплевать на свою участь, ибо в ее глазах не было страха.

Эта сука все еще обладала властью наводить на него ужас, и Элфорд мысленно выругал себя за трусость, потому что неизменно проигрывал в поединке взглядов.

«Упаси меня Господи от праведных», – подумал он. Уж лучше схватиться с десятком солдат, чем позволить этой фитюльке так унижать себя, хотя сила на его стороне и достаточно одного его слова, чтобы ее голова слетела с плеч. Элфорд никогда не забудет, как она смотрела на него, когда он велел привести ее после той бойни. Тогда она была совсем крошкой, но при воспоминании о той сцене у него мороз шел по коже. Она, конечно, видела, как он убил ее отца, но Элфорд отчего-то считал, что со временем воспоминания поблекнут. Теперь он уже не был так в этом уверен. Но что еще ей известно? Слышала ли она, как он признавался в своих грехах ее папаше, перед тем как выпустить ему кишки?

При одной мысли об этом Элфорда трясло. Ненависть Джиллиан пугала его, лишала сил и разума.

Он протянул дрожащую руку к кубку с вином, тщетно пытаясь отогнать преследующие его страхи и заняться пленниками. В глубине души Элфорд сознавал, что уже давно лишился былой сообразительности и остроты ума. Раньше он и не подумал бы так надраться в присутствии приятелей. Все эти годы он много пил, стараясь избавиться от терзавших его воспоминаний, но всегда старался не показывать своих пороков на людях. А вот сегодня не выдержал, тем более что вино помогало забыться и уменьшало гнев. Недаром он опасался сотворить такое, о чем потом пожалеет. И хотя сначала намеревался подождать до завтра, чтобы воздать должное Джиллиан за наглость и дерзость, все же решил, что еще достаточно ясно соображает, чтобы раз и навсегда покончить с неприятным дельцем и пировать далее в компании веселых собутыльников.

Элфорд уставился на девушку, выкатив налитые кровью глаза. Сам он сидел в центре длинного стола, по обе стороны устроились его постоянные компаньоны, барон Хью из Барлоу и барон Эдвин Лысый. Вся троица слыла неразлучными друзьями, и эти двое считали Элфорда идеальным примером для подражания. Его так называемые игры всегда восхищали их настолько, что они умоляли своего наставника позволить в них участвовать. Поэтому Элфорд ничуть не волновался, что неизменные спутники вдруг могут предать его, ибо они частенько превосходили зачинщика жестокостью и подлостью.

Джиллиан и мальчик ничего не ели со вчерашнего утра, и Элфорд справедливо предположил, что пленники умирают с голоду, поэтому и вынудил их стоять перед роскошно накрытым столом, которым не погнушался бы сам король. Пирующим уже подали фазанов, кроликов и голубей, желтые головки сыра, ломти грубого черного хлеба с джемом и медом и сладкие пироги с ежевикой. Слуги носились с кувшинами темного красного вина и подносами, нагруженными всякой снедью, возвращаясь на кухню с горами хлебных корок и объедков.

Еды было столько, что хватило бы накормить целую армию. Но вид пирующих произвел на Джиллиан обратное воздействие: ей стало так противно, что она забыла о голоде и никак не могла решить, какой из троих омерзительнее. Хью, с его огромными ушами-лопухами и острым носом, противно чавкал, а жирный Эдвин, с тремя подбородками и рыбьими зенками, заливался потом, но продолжал совать в рот куски полусырого мяса, словно боялся, что кто-то утащит кусок у него из-под носа прежде, чем он набьет утробу.

И все трое уже изрядно напились. Под ее презрительным взором они успели осушить шесть кувшинов вина и потребовали еще. Настоящие свиньи! Но все равно, Элфорд – самая гнусная тварь. Из рта свисают полоски голубиной кожи, а когда он сунул пирожок в ненасытную пасть, капли ежевичного сока брызнули на бороду. Но в таком состоянии ему было не до хороших манер, и, едва прожевав, он немедленно потянулся за вторым пирожком.

Алек стоял по левую руку от Джиллиан, у самого очага, безмолвно озирая разгульное сборище и время от времени касаясь ее ладони. Как ни хотелось девушке утешить ребенка, она не смела даже смотреть на него, зная, что Элфорд не сводит с них глаз. Любое проявление сочувствия или симпатии даст ему оружие против нее.

Она попыталась заранее подготовить Алека, предупредив, что дело может кончиться плохо, и едва не силой вырвала обещание молчать, что бы ни случилось. Пока Элфорд считает мальчишку недоумком, он еще не раз распустит язык в его присутствии, и, даст Бог, проговорится, с какой целью похитил Алека.

Когда ее наконец затошнило от вида грубых животных, алчно пожирающих все подряд, она просто-напросто повернулась к двери. Когда-то, в раннем детстве, она, должно быть, играла в этом зале, но ничего не помнит. Совсем ничего. У самой лестницы стоит старый сундук. Принадлежал ли он ее родителям или Элфорд привез его сюда? Кто знает? На крышке валяются карты и пергаментные свитки, а с краю лежит кинжал. Наверное, тот самый, который отобрал у Алека солдат. Она даже рассмотрела незнакомую искусную гравировку, и это дало ей некое странное утешение. Подарок опекуна Алека, какого-то Бродика.

Но тут Элфорд отвлек ее внимание, громко рыгнув. Джиллиан, поморщившись, наблюдала, как он вытирает рот рукавом бархатной туники и откидывается на спинку высокого стула. Глаза, похоже, сами собой закрывались, а язык заплетался.

– Ну? Так что с тобой делать, Джиллиан? По-прежнему ставишь мне палки в колеса? Брыкаешься, как необъезженная кобылка? Когда же поймешь, что я желаю тебе только добра?

Эдвин разразился громовым смехом, прерываемым икотой. Хью, ухмыльнувшись, опрокинул очередной кубок.

– От тебя одни неприятности, – продолжал Элфорд, – а я-то старался угодить, как мог. И ни разу не потревожил тебя за все эти годы. Признаюсь, что был ошеломлен, увидев, какой красавицей ты стала. Ребенком ты была настоящей уродиной, так что перемены, произошедшие с тобой, поистине необыкновенны. Теперь ты дорого ценишься, милочка. Я мог бы продать тебя тому, кто больше даст, и неплохо нагреть руки на этой сделке. Такая возможность тебя не пугает?

– Вид у нее, скорее, скучающий. Должно быть, она настоящая ведьма, – заметил Эдвин. Элфорд равнодушно пожал плечами.

– Известно ли тебе, Джиллиан, что мне пришлось послать целый полк солдат, дабы вырвать тебя из лап твоего святоши-родственничка? Я слышал, дядюшка Морган отчаянно

сопротивлялся. Вот уж не ожидал такого пыла от немощного старикашки. С моей стороны было бы величайшим милосердием избавить его от мучений. Думаю, он сам предпочел бы быструю смерть жалкому существованию.

– Мой дядя ни стар, ни немощен, – бросила Джиллиан.

Эдвин снова расхохотался, и Джиллиан едва не набросилась на него с кулаками. Ну отчего Господь не дал ей силы, чтобы сразиться с этой швалью?! Как она ненавидит собственное бессилие и страх!

– Оставь моего дядю в покое, – велела она. – Он ничего тебе не сделал.

Но Элфорд словно не слышал девушку.

– Вижу, он заменил тебе любящего родителя, верно? Морган не стал бы сражаться, не полюби он тебя как родную дочь. Да, и еще имел наглость сопротивляться, пропади он пропадом! Я также был крайне недоволен, узнав о твоём непокорстве. Какой позор! А я-то ожидал, что, услышав приказ вернуться, ты немедленно подчинишься. В конце концов, я твой опекун и тебе следовало мчаться ко мне со всех ног. Не пойму, в чем причина такого неповиновения. – Элфорд со вздохом покачал головой. – Разве это не твой дом? Я-то считал, что ты будешь вне себя от счастья. Король Иоанн повелел, чтобы Даненшир оставался твоим до самого замужества. Потом он, разумеется, перейдет к твоему супругу.

– Как и следует по закону, – вставил Хью.

– Ты еще не выцыганил Даненшир у короля? – вырвалось у Джиллиан, не сумевшей скрыть удивления.

– Я и не думал его просить, – пробормотал Элфорд. – К чему? Замок и без того принадлежит мне, поскольку я твой опекун и, следовательно, распоряжаюсь всем твоим имуществом.

– Это Иоанн назначил тебя моим опекуном? – осведомилась Джиллиан, чтобы позлить Элфорда, поскольку знала, что король вовсе не давал ему законных прав на попечительство. Лицо барона побагровело от гнева. Вызверившись на Джиллиан, он одернул мешковатую туннику и глотнул вина.

– Его величество давно забыл о ничтожной козявке вроде тебя. Довольно и того, что я считаю себя твоим опекуном.

– Вовсе нет!

– Элфорд – самый доверенный советчик короля! – возмущенно завопил Эдвин. – Как ты смеешь столь бесстыдно вести себя с ним?

– Наглая девка, не так ли? – заметил Элфорд. – Я твой опекун, Джиллиан, нравится тебе это или нет, и твоя судьба в моих руках. Я лично выберу тебе мужа... а может, и сам женюсь, – небрежно добавил он.

Джиллиан и думать боялась о такой гнусности и потому не отвела взгляда от Элфорда, ничем не выказывая страха.

– Ты обещал ее своему кузену, – напомнил Хью. – Я слышал, что Клиффорд уже строит грандиозные планы.

– Знаю, что обещал, но вы когда-нибудь слышали, что я сдержал клятву? – ухмыльнулся Элфорд. Эдвин и Хью восторженно загоготали, и Элфорду пришлось потребовать тишины. – Из-за вас я потерял нить мыслей, – пожаловался он.

– Ты говорил Джиллиан, как недоволен ее поведением, – сообщил Эдвин.

– Ну да, точно. Так больше не может продолжаться, Джиллиан. Я человек снисходительный, что в нашей жизни можно назвать огромным недостатком, и вечно жалею тех, кому не так повезло. Только потому я оставил без наказания безобразное поведение Моргана и простил твой отказ явиться сюда по первому требованию. – Он снова глотнул вина, прежде чем добавить: – И вот чем ты отплатила мне за доброту? Помогала маленькому дикарю улизнуть? Как твой опекун я просто не могу допустить столь открытого неповиновения. Пора тебе и мальчишке получить урок покорности.

– Если ты побьешь ее, Элфорд, ей понадобится немало времени, чтобы отлежаться, перед тем как отправиться на поиски, – остерег Эдвин.

Элфорд опорожнил кубок и знаком велел слуге налить еще.

– Пожалуй, ты прав, – согласился он. – Никто не заметил, как парень липнет к Джиллиан? Дурачок, должно быть, верит, что она способна его защитить! Докажем, что он ошибается? Хью, выпори звереныша. Ты это любишь.

– Не смейте и пальцем его тронуть, – очень тихо приказала Джиллиан, давно усвоившая, что такой тон действует куда эффективнее любых криков. Судя по вытянувшемуся лицу Элфорда, она застала его врасплох.

– Не смей? – ошеломленно пробормотал он.

– Именно.

Элфорд растерянно побарабанил пальцами по столешнице.

– Боль лучше слов убедит парнишку, что бежать отсюда бессмысленно. Кроме того, вы оба огорчили меня, и я не могу обижать Хью. Он просто горит желанием разделаться с кем-то из вас. Эй, Хью, только не убей мальчишку! Если Джиллиан подведет меня, он нам еще понадобится!

– Ты не тронешь ребенка, – уже жестче повторила Джиллиан.

– Ты подставишь за него свою спину?

– Да.

Элфорд от удивления разинул рот, взбешенный тем, что девушка по-прежнему не выглядела испуганной. Само понятие мужества было ему незнакомо. Трус и подлец по природе, он никак не мог понять, почему некоторые люди обладают этим странным свойством, бесившим его, как всякого негодяя.

– Я сделаю все, что пожелаю, Джиллиан, и не тебе меня учить. Захочу – и прикончу тебя.

– Ты прав, – пожала плечами девушка. – Можешь убить меня, и я не стану сопротивляться.

Элфорд изумленно поднял брови и вперился в Джиллиан. Ему все труднее становилось сосредоточиться: вино давало о себе знать. Единственное, что ему хотелось, – закрыть глаза и немного вздремнуть. Но вместо этого он опять присосался к кубку.

– Ты что-то задумала? Признавайся, Джиллиан. Какую игру ты посмела затеять со своим господином?!

– Никаких игр, – безразлично обронила девушка. – Прикончи меня, если таковы твои намерения. Уверена, у тебя найдется правдоподобное объяснение для короля. Однако, как ты сам сказал, все эти годы мне, слава Богу, не пришлось видеть твоего лица. Теперь же ты неожиданно вынуждаешь меня вернуться. Очевидно, тебе что-то понадобилось от меня, и если я умру...

– Да, – перебил он, – мне действительно кое-что нужно. – Он выпрямился и окинул ее взором триумфатора. – У меня радостные вести. После многих лет неустанных поисков я наконец обнаружил, где прячется твоя сестра Кристен. – Не дождавшись никакой реакции от Джиллиан, Элфорд немного увял и продолжал уже без прежнего энтузиазма, вертя в руке кубок: – Она скрывается в клане Макферсонов, но, к прискорбию, я так и не узнал имени, под которым теперь живет Кристен. Вы, разумеется, узнаете друг друга с первого взгляда, поэтому я решил послать тебя за ней.

– Почему меня? Почему не воинов? – холодно бросила девушка.

– Воинов? В глубь нагорья? Да их там сразу же перережут! Я мог бы, разумеется, попросить у короля Иоанна разрешения на поход и уверен, что он дал бы мне еще своих людей, но не хочу впутывать его в семейные распри. Кроме того, у меня есть ты.

– Воины ее в глаза не видели, а язычники, конечно, будут молчать, – вмешался Хью. – Они защитят своих любой ценой.

– А если я откажусь? – усмехнулась Джиллиан.

– Есть у меня на этот случай еще один человек, – похвалился Элфорд. – Просто тебе это легче сделать.

– А этот человек сумеет распознать ее?

– Горец, который открыл нам тайну, знает ее теперешнее имя, – напомнил Эдвин. – Можно заставить его развязать язык.

– Но этот горец должен был завтра привезти Кристен! – вставил Хью. – В его послании говорится, что возникли трудности...

– Большие трудности, – поддакнул Эдвин. – И он не обязательно прибудет завтра. Может, и послезавтра.

– Не сомневаюсь, что все пошло не так гладко, как мы предполагали, – вздохнул Хью, подавшись вперед, – иначе предатель не стал бы проделывать такой долгий путь, рискуя, что его заметят и обличат.

Эдвин задумчиво потер тройной подбородок.

– Если ты задашь мальчишке трепку, Хью, горец разозлится и потребует назад свое золото.

– Да он жаждет смерти звереныша, старый дурень! – рассмеялся Хью. – Ты все это время не просыхал и ничего не соображаешь! Достаточно сказать, что горец и Элфорд заключили сделку. Как тебе известно, время от времени снова всплывают слухи о том, что золотую шкапулку где-то видели, и каждый раз король, услышав об этом, посылает войска прочесать ту или иную местность. Страстное желание найти злодея, убившего его Арианну и похитившего сокровище, не потускнело с годами.

– Некоторые твердят, что его рвение, наоборот, усилилось, и десятикратно, – поддакнул Эдвин. – Королевские воины вечно рыщут по Шотландской низменности.

– А пока Иоанн ищет свою драгоценность, Элфорд пытается узнать, где Кристен, в полной уверенности, что она знает, где шкапулка. Собирается доказать, что ее украл Ранульф. Элфорд справлялся в каждом клане... – прошипел Хью.

– Но никто не удостоил его ответом.

– И то верно, – вздохнул Хью. – Никто не признавался, что слышал о ней, пока не появился горец.

– А что ты там говорил о сделке между предателем и нашим Элфордом?

Хью взглянул на барона, но тот уже клевал носом.

– Никогда не видывал его таким пьяным, – громко прошептал он приятелю. – Смотри, вино его убаюкало.

Эдвин отмахнулся.

– Так как насчет сделки? – приставал он.

– Барон согласился держать в плену мальчишку, чтобы выманить его брата, лэрда Рамзи Синклера. Горец возмечтал убить Рамзи, а когда все будет кончено и лэрд отправится на небеса...

– Считай, что парнишка сослужит свою службу и больше не понадобится, – заключил Эдвин.

– Ну, вот видишь, сам все понял. Поэтому хоть шкуру с него сдери – горцу плевать.

– Но что получит от этой сделки барон?

– Золото и кое-что еще. Пусть Элфорд самолично объяснит. Если захочет, конечно.

Эдвин оскорбился. Значит, от него что-то скрывают?! От него?!

Обозленный толстяк всадил локоть в бок Элфорда. Тот вскинулся и разразился богохульствами. Но неумолимый Эдвин потребовал открыть подробности сделки. Элфорд жадно принялся к кубку.

– Те сведения, что сообщил мне предатель, куда дороже золота!

– Как это? – недоумевал Эдвин.

– Назвал клан, где скрывается Кристен, – улыбнулся Элфорд, – и когда получит то, чего добивается, откроет ее теперешнее имя. Так что если Джиллиан мне изменит, горец придет на помощь.

– Но почему бы ему сразу все не объяснить! Нам было бы куда легче...

– Не доверяет нашему другу, – хохотнул Хью. – Сначала Рамзи должен уйти на тот свет.

Джиллиан не верила своим ушам. Почему эти трое так беспечны?! Скорее всего слишком напились, забыли об осторожности и очухаются не скоро. К завтрашнему утру головы у них будут так трещать, что ни один не вспомнит о вчерашней болтовне.

Эдвин и Хью, похоже, пребывали в полной уверенности, что Элфорду причитается награда от короля, и теперь они горячо спорили, что следует сделать с деньгами. Джиллиан благодарила небо, что они отвлеклись, потому что при упоминании о скором прибытии горца сердце у нее куда-то провалилось. Горло перехватили костлявые пальцы паники. Девушка пошатнулась, но Элфорд, к счастью, не заметил ее растерянности.

Она-то знала, почему предатель так спешит в Даненшир! Проведал, что люди Элфорда захватили не того мальчика, и тогда Алек пропал. Господи, помоги ему! И времени почти не оставалось.

Элфорд громко зевнул и прищурился.

– А, Джиллиан, я и забыл, что ты тут стоишь! О чем это мы? Ах да! Хью, поскольку она благородно согласилась заменить дикаренка, можешь отвести душу. Только не смей бить по лицу – синяки так скоро не проходят, а я хочу отослать ее по нашему делу как можно скорее.

– А мальчик? – вскинулся Хью.

Элфорд хищно ощерился:

– Ему тоже неплохо было бы выдубить шкуру.

Джиллиан поспешно толкнула Алека себе за спину.

– Сначала придется убить меня! Я не позволю издеваться над ребенком.

– Но я не хочу твоей смерти, Джиллиан. Ты должна доставить мне свою сестру, – издевательски пропел Элфорд, давая понять, что он смеется над ее жалкими попытками защитить дитя. Неужели она искренне верит, будто ее требования имеют для него какое-то значение? И как она смеет приказывать ему?! Он, разумеется, добьется своего, но одновременно проучит ее! Девчонке раз и навсегда придется понять, какое она ничтожество.

– Клянусь, если станешь издеваться над мальчиком, я откажусь привезти Кристен.

– Да-да, – скучаясь бросил Элфорд. – Надоели мне твои пустые угрозы.

Хью оттолкнулся от стула, пытаясь подняться. Джиллиан лихорадочно пыталась придумать, как избавить ребенка от несправедливого наказания.

– Тебе, кажется, Кристен вовсе ни к чему? Верно?

Элфорд недоуменно поднял брови.

– Как это ни к чему? У меня грандиозные планы в отношении твоей сестрицы!

Намеренно пытаясь обратить ярость Элфорда на себя, чтобы отвлечь его внимание от несчастного малыша, девушка рассмеялась.

– Да знаю я о твоих великих замыслах! Хочешь раздобыть бесценную шкатулку короля и уверен, что она у Кристен! Воображаешь, что, если заставить ее вернуться, она захватит сокровище с собой! Стараешься доказать, что это мой отец убил возлюбленную короля и украл ее шкатулку? Надеешься, что в награду получишь золото и земли Даненшира? Только об этом и мечтаешь?

Элфорд отшатнулся, словно она плеснула ему в лицо кипящим маслом, и, бешено зарыв, взметнулся, как дикий зверь. Стул отлетел и врезался в стену.

– Так ты помнишь шкатулку! – завопил он, метнувшись к ней и сбив по пути Хью. – И знаешь, где она спрятана!

– Разумеется, знаю, – солгала Джиллиан.

Нечеловеческий вой наполнил огромный зал.

– Где она?! – загремел он. – Значит, она не у Кристен? Я знал... знал, что она взяла шкатулку... этот безумец Эктор проговорился, что отец отдал ей сокровище! Твоя сестрица украла его у меня, а ты знала... все это время, пока я с ума сходил, разыскивая... все это время...

Окончательно осатанев, он подскочил к ней. Огромный кулак врезался Джиллиан в челюсть, сбив на пол. Теперь Элфорду не было удержу: он совершенно потерял голову и принялся пинать ее тяжелым кожаным сапогом, добиваясь криков о пощаде, пытаясь наказать ее за то, что скрывала правду. Значит, ей известно, что находка может навсегда погубить доброе имя ее отца и принести огромную награду! Грязная сука столько лет намеренно терзала его!

– Я, и только я, привезу королю шкатулку, – пыхтел он. – Награда будет моей... моей... моей...

Джиллиан, оглушенная ударом в лицо, не могла сопротивляться. Сил хватило лишь на то, чтобы перекатиться на бок и прикрыть руками голову. Тумаки сыпались на спину и бедра, но как был бы разочарован Элфорд, поняв, что Джиллиан в своем почти бессознательном состоянии почти не чувствовала боли!

Она пришла в себя, когда Алек мужественно прикрыл ее собой. Захлебываясь слезами, он вопил во все горло, когда Джиллиан оттолкнула его от Элфорда. Она обняла мальчика, прижала к себе, пытаясь уберечь от истязания, и стиснула его руку, надеясь, что он не выдаст себя. Не дай Бог, Элфорд окончательно озверев и забьет Алека насмерть.

На губах Элфорда вскипали и лопались пузырьки пены. Изрыгая гнусности, он продолжал колотить Джиллиан, но вскоре устал и, пошатнувшись, тяжело оперся о стол. Хью, в полном восторге от зрелища, довольно хихикал. Но Эдвин, разочарованный тем, что его лишают развлечения, подначивал Элфорда продолжать. В ушах Джиллиан звенело от оглушительного шума, комната завертелась в бешеном танце, но она отчаянно старалась не выпускать из виду перепуганного малыша.

– Тише, – шептала она, – тише, дорогой.

И вопли Алека мгновенно стихли, словно кто-то заткнул ему рот. Мальчик украдкой кивнул и отпрянул. Джиллиан облегченно вздохнула и выдавила слабую улыбку.

– Возьми себя в руки, Элфорд, – заорал Хью, давась смехом и смахивая слезы со щек, – иначе она никуда не сумеет поехать!

– Д-да, – пробормотал Элфорд. – Нужно успокоиться.

Он вытер пот со лба, отбросил мальчика и рывком поднял Джиллиан на ноги. Из уголка рта девушки стекала струйка крови, и Элфорд удовлетворенно кивнул. Судя по затянутому дымкой взору и белому, как простыня, лицу, он добился своего и вдоволь поиздевался над мерзавкой.

– Посмела довести меня, – прошипел он, – теперь можешь не ныть, сама виновата. Даю тебе два дня, чтобы прийти в себя, а потом отправишься в эту Богом забытую глушь, именуемую Шотландским нагорьем. Запомни: клан Макферсонов. Твоя сестра там. Найди ее и привези вместе со шкатулкой.

Он снова одернул тунику и побрел к столу, сердитым жестом велел слуге поднять стул. Почти рухнув на сиденье, Элфорд немедленно припал к кубку.

– Попробуй подвести меня, Джиллиан, и за все заплатит тот, кто тебе дорог. Твой дядя умрет медленной позорной смертью. Клянусь, что заставлю его молить об избавлении от мук. Кстати, и мальчишку тоже прирежут, – подумав, добавил он. – Но когда доставишь Кристен и шкатулку, даю слово, что не трону дикаря, несмотря на обещание шотландскому предателю.

– Но что, если она сумеет привезти либо сестру, либо шкатулку? – полюбопытствовал Хью.

Эдвин, сосредоточенно поразмыслив, внес свою лепту:

– Что тебе важнее: Кристен или королевская шкатулка?

– Шкатулка, разумеется, – не задумываясь ответил Элфорд. – Но мне нужно и то и другое, в противном случае дядя Джиллиан – труп.

Хью, спотыкаясь, обошел вокруг стола, нагнулся над Джиллиан, и неприкрытая похоть в его взгляде заставила девушку съежиться. Не отводя от нее глаз, Хью бросил Элфорду:

– Мы с тобой давние друзья. И до сих пор я никогда ни о чем не просил. Отдай мне Джиллиан.

Столь неожиданное требование удивило и развеселило Элфорда.

– Не боишься ведьмы в своей постели?

– Она настоящая львица, и я сумею ее укротить, – хвастался Хью, беззастенчиво и почти непристойно облизывая губы.

– Да она перережет тебе горло во сне, – предрек Эдвин.

– Думаю, с такой женщиной мне будет не до сна, – хмыкнул Хью и потянулся было к девушке, но та оттолкнула его руку и, пошатываясь, встала. Мальчик бросился к ней. Хью плотоядно воззрился на него, и Джиллиан поспешила отвлечь его внимание.

– Ты столь омерзителен и гнусен, Хью, и такой слабак, что мне почти тебя жаль.

Потрясенный ядовитой злобой в ее голосе, Хью отвесил ей пощечину. Но девушка пренебрежительно улыбнулась.

– Оставь ее! – нетерпеливо потребовал Элфорд, когда Хью снова поднял руку. Он оскандился в улыбку и, подавшись вперед, прошептал:

– Я еще доберусь до тебя, сука. – Затем вернулся за стол и, придвинув стул поближе к Элфорду, настырно заныл: – Отдай ее мне. Я научу ее покорности.

– Посмотрим, – улыбнулся тот.

Но и Эдвин не желал оставаться в стороне.

– Если отдашь Джиллиан ему, тогда Кристен моя.

– Она уже обещана, – возразил Элфорд.

– Сам на нее заришься, – подначил Эдвин.

– Нет, но пообещал ее другому.

– Кому именно? – допытывался Эдвин.

– Какая разница, Эдвин, – хмыкнул Хью. – Элфорд никогда не держит слова.

– Никогда, – весело подтвердил Элфорд. – Но бывают и исключения.

Глупец расплылся в улыбке, успокоившись и искренне поверив, будто получил шанс завоевать руку Кристен.

– Если она хотя бы вполтину так красива, как Джиллиан, я буду счастливейшим человеком на земле.

– Какой срок ты даешь Джиллиан на то, чтобы все выполнить и вернуться? – поинтересовался Хью.

– До начала жатвы.

– Это слишком мало, – запротестовал Эдвин. – Да у нее уйдет не меньше недели, а то и двух, только чтобы добраться до гор, а если она не сразу сумеет найти Кристен или что-то задержит ее в пути...

Элфорд повелительно поднял руку.

– От твоего кудахтанья у меня голова идет кругом. Подумаешь, какой благодетель! Что тебе до этой сучонки? Придержи язык, пока я объясню детали своей подопечной. Джиллиан, если надеешься отыскать благородных горцев, которые согласятся помочь тебе спасти дядюшку, знай, что его дом окружен моими воинами и стоит хоть одному шотландцу показаться в окрестностях, как Моргана прикончат. Я буду держать его в заложниках до твоего появления. Тебе ясно?

– А если она скажет Рамзи, что его брат не утонул и содержится в плену? – забеспокоился Хью.

– Не скажет. Жизнь мальчишки в ее руках. И довольно дурацких вопросов. Теперь я желаю поговорить о более приятных вещах. Например, о том, как потратить королевскую награду за возвращение шкатулки. Я уже не раз твердил его величеству, что именно отец девчонок украл шкатулку и убил Арианну, и, когда король обнаружит, что сокровище все это время хранилось у Кристен, он окончательно убедится в моей правоте. – Он махнул рукой стражникам, охранявшим вход: – Милая дама едва держится на ногах. Видите, как она пошатывается? Отведите ее и мальчишку наверх. Поместите в прежней спальне. Видишь, как я заботлив, Джиллиан? Эту ночь проведешь в прежней постели.

– А мальчишка, милорд? – спросил стражник.

– Пусть ночует в комнате рядом, – бросил Элфорд, – и слушает ее вой – может, поумнеет к утру.

Солдаты поспешили выполнить распоряжение господина. Один схватил за руку Алека, другой потянулся к Джиллиан. Та отпрянула, с трудом выпрямилась, гордо вскинула голову и осторожно пошла к дверям. Каждый шаг давался ей с огромным трудом. У самого порога она покачнулась и тяжело оперлась о сундук.

Солдат поднял ее и потащил к лестнице. Джиллиан обхватила себя руками, согнулась, и Алек вцепился в ее юбку. Девушка дважды споткнулась, прежде чем свалиться на пол. Воин озабоченно прищелкнул языком, подхватил ее на руки и донес до комнаты. Боль в спине Джиллиан становилась нестерпимой, и в конце концов она лишилась чувств. Солдат почти швырнул ее на постель и попробовал схватить мальчика, но тот отказался покинуть девушку, кусался, царапался и лягал мужчину, пытавшегося оторвать его от несчастной.

– Да оставь ты его, – посоветовал второй. – Если они будут заперты вместе, придется ставить только одного часового вместо двух. Пусть мальчишка спит на полу.

Не успели солдаты выйти, как Алек вскарабкался на кровать и схватил Джиллиан за руку. Маленькое сердце сжималось от тоски. Смертельно боясь, что она умрет и бросит его на произвол судьбы, ребенок горько зарыдал.

Минуты текли, а Джиллиан оставалась неподвижной. Очнулась она от боли. Тело саднило так, что на глазах выступили слезы. Она выждала, пока в глазах немного посветлело, и попыталась сесть, но тут же мешком свалилась на подушки, чувствуя себя беспомощной и жалкой. Но тут Алек робко прошептал ее имя.

– Не бойся, милый. Худшее позади. Пожалуйста, не плачь.

– А ты сама? У тебя все лицо мокрое.

– Больше не буду, – пообещала она.

– Теперь ты умрешь? – расстроился мальчик.

– Нет, конечно, нет.

– Здорово болит?

– Мне уже гораздо лучше, – солгала она. – И мы, по крайней мере пока, в безопасности.

– Вовсе нет, – запротестовал Алек. – Завтра будет...

– Справимся, – перебила Джиллиан. – Как здесь темно! Отодвинь штору, чтобы впустить хоть немного света!

– Все равно солнце почти село, – буркнул малыш, но все же побежал исполнять приказание.

Золотистые ленты солнечных лучей врывались в комнату, словно шелковые стяги, колеблемые легким летним ветерком; зайчики весело заплясали на каменном полу. В воздухе повисли пыльные столбы. Джиллиан ощутила запах плесени, идущий от одеял и подушек. Интересно, сколько же времени этой комнатой не пользовались? Неужели, кроме нее, здесь

никто не жил? Вряд ли. Элфорд любил бражничать, и наверняка в Даненшир частенько наезжали гости.

Алек снова забрался в постель и взял Джиллиан за руку.

– Скоро вечер. Ты ужасно долго спала, и я никак не мог тебя добудиться. Так страшно было! И знаешь что?

– Что, малыш?

– Завтра нам плохо придется. Слышала, что говорил барон? Горец вот-вот явится.

– Слышала.

Джиллиан закрыла глаза и наскоро помолилась Господу о том, чтобы вернул ей силы, и поскорее, ибо времени почти не оставалось.

– Горец будет здесь завтра или послезавтра, – взволнованно твердил Алек. – Если он увидит меня, сразу пронюхает, что дело нечисто, и донесет, что я не Майкл.

Джиллиан снова попыталась сесть.

– Уверена, он и без того все знает. Именно поэтому и поспешил навестить барона.

Алек так старательно свел бровки, что веснушки на носу слились в одно рыжее пятно.

– А вдруг он не за этим сюда мчится?

– Не думаю.

– Не хочу, чтобы ты меня покидала, – вдруг всхлипнул он. – Но барон собирается отослать тебя.

– Да, и ты едешь со мной, – объяснила Джиллиан. Мальчик недоверчиво уставился на нее. Джиллиан погладила его по плечу и выдавила улыбку. – Не думай о горце. Нам нет дела до него, хотя я не прочь бы увидеть лицо предателя.

– Чтобы запомнить?

– Да.

– И рассказать папе, Бродику и даже Рамзи, каков изменник с виду?

У Алека сделалась такая счастливая мордашка, что Джиллиан поспешно согласилась.

– Вот именно. Я все поведала бы твоему папе.

– И Бродику, и даже Рамзи?

– Разумеется.

– И знаешь, что будет потом? Они заставят его сто раз пожалеть о подлых делишках, – предрек мальчик.

– Еще бы!

– Но почему нам нет дела до горца?

– Потому что сегодня мы ускользнем отсюда.

– Во мраке? – потрясенно охнул мальчик.

– Во мраке. Хорошо бы ночь выдалась лунной.

Алек в восторге запрыгал на кровати.

– Но как мы выйдем? Я слышал скрип ключа в замке, и в коридоре наверняка стоит стражник. Поэтому и шепчу все время, чтобы он не услышал.

– А мы все равно сбежим, – усмехнулась Джиллиан.

– Каким же образом?

– Мы пройдем через ту стену, – таинственно улыбнулась девушка, показывая в дальний конец спальни.

– Но мы не волшебники, – разочарованно вздохнул Алек и уныло повесил голову.

Джиллиан едва не рассмеялась. Несмотря на боль, она была вне себя от счастья, потому что выручить малыша из логова Элфорда теперь не составляло ни малейшего труда. Какая удача, что Элфорд не разлучил ее с Алеком! Теперь он поплатится за свою ошибку.

Не удержавшись, она крепко обняла мальчика.

– О, Алек, Господь не оставил нас.

Он терпеливо позволил ей пригладить его локоны и поцеловать в лоб, прежде чем вырвался.

– Почему ты так думаешь? Значит, Господь поможет нам пройти сквозь стену?

– Вот увидишь!

Алек покачал головой.

– Наверное, ты повредила в уме, когда барон тебя бил.

– Ничего подобного. Просто я очень-очень разозлилась.

– Но, Джиллиан, люди не могут проникать сквозь стены.

– Мы уйдем через потайную дверь. Я жила в этой комнате, когда была совсем маленькой. Спальня сестры была рядом, и, когда мне становилось страшно или одиноко, я пользовалась этим ходом, чтобы пройти к ней. Мой отец очень сердился, когда узнавал об этом.

– Почему?

– Потому что не хотел, чтобы кто-то знал об этой двери. Все твердил, что ход проделан только для особых случаев, и даже верным слугам ничего не было известно. Хотя горничная Лайза проведала обо всем, поскольку каждый вечер укладывала меня спать здесь, а утром находила в постели сестры. Вот она обо всем и догадалась. Видишь этот сундук? Мой отец поставил его туда, чтобы отвратить меня от ночных прогулок.

Глаза Алека распахнулись на пол-лица.

– Ты послушалась своего папы?!

– Вроде бы, – кивнула она. Ребенок отчего-то нашел это признание столь забавным, что покотился со смеху. Опасаясь, что стражник услышит шум, Джиллиан прижала палец к губам.

– Но если дверь ведет в спальню твоей сестры, – громко прошептал он, – как мы оттуда выберемся?

– Не только в спальню. Еще и к лестнице, по которой можно спуститься в туннель под замком. Если его не завалило, мы выберемся в лес.

– Может, пойдем прямо сейчас? Пожалуйста! – взмолился он.

– Нет, – покачала головой Джиллиан, – нужно дождаться, пока барон уляжется. Вдруг ему придет в голову перед сном зайти сюда или послать служанку? Не обнаружив нас, она поднимет тревогу. Но не волнуйся: он столько выпил, что скоро осоловеет и захрапит.

Алек стиснул ее ладонь, одновременно пытаясь разглядеть, где находится дверь.

– А что, если барон велел ее заложить? – встревожился он.

– Тогда мы найдем другой способ сбежать.

– Какой?

Девушка не имела ни малейшего представления и сознавала только, что необходимо немедленно убрать Алека из Даненшира, прежде чем правда откроется.

– Можно заманить сюда стражника...

– И я огрею его по башке, – возбужденно перебил мальчик, для наглядности ударив кулаком по перине, – собью с ног! А если встану на сундук, наверное, сумею даже выхватить у него меч. И знаешь что? Располосую его на кусочки, пусть орет как резаный! Я ужасно сильный, правда-правда!

Джиллиан едва не поддалась искушению снова обнять мальчика, но она даже улыбнуться не посмела, чтобы не обидеть хвастунишку.

– Вижу, Алек, вижу. Настоящий силач.

Сорванец расплылся в улыбке и гордо распрямил плечи.

Неужели все мальчишки настолько кровожадны в своих фантазиях? Только сейчас он плакал и жался к ней – и вот теперь злорадно расписывает воображаемое отмщение! Ах, она совсем не знает, как обращаться с детьми. Алек – первый, с кем пришлось столкнуться за много-много лет. И хотя Джиллиан то и дело терялась, не зная, как поступить, все же постоянно ощущала невероятно сильное желание защитить и уберечь невинное дитя. Только она и

ее решимость отделяют Алека от гибели, а это означало, что, пока они не исчезнут отсюда, опасность грозит обоим.

– Больно?

Джиллиан недоуменно моргнула, возвращаясь к действительности.

– Ты о чем?

– Твое лицо, – пояснил он, коснувшись кончиками пальцев щеки. – Распухло, и синяк большой.

– Саднит немного, вот и все.

– Откуда у тебя шрам под подбородком?

– Упала с лестницы. Давным-давно. А теперь ляг и отдохни немного. Нам понадобятся силы.

Алек плюхнулся на подушки и положил голову ей на плечо.

– Знаешь что?

– Что?

– Я есть хочу.

– Позже что-нибудь найдем.

– Стянем с кухни?

Судя по искреннему воодушевлению, Алек, похоже, не мог дождаться, пока осуществит идею.

– Воровать грешно.

– Так и мама говорит, – подтвердил он.

– И она права. Ничего мы не станем тащить. Просто позаимствуем все необходимое.

– А лошадей можно поза... позаимствовать?

– Если повезет наткнуться на крепкого конька и рядом никого не окажется, тогда, разумеется, мы возьмем и лошадь.

– Знаешь что? За кражу коня могут и вздернуть.

– Об этом я меньше всего беспокоюсь, – заверила Джиллиан, поворачиваясь на бок. Каждая косточка в теле ныла, и она никак не могла улечься поудобнее. Неловко шевельнув забинтованной рукой, она почувствовала укол и лишь теперь вспомнила о сюрпризе, приготовленном для Алека.

– У меня кое-что есть для тебя, – заговорщически шепнула она. – Закрой глаза.

Малыш немедленно встал на колени и зажмурился.

– Что там?

Джиллиан протянула ему кинжал. Алек, разумеется, подглядывал: лицо его осветилось такой радостью, что она едва не заплакала.

– Клинок Бродика, – благоговейно прошептал он. – Где ты его нашла?

– Ты сам сказал мне, куда его положили, – напомнила Джиллиан. – Я схватила кинжал с сундука по пути сюда. Сунь его в ножны, чтобы не пораниться.

Мальчик, вне себя от счастья, обхватил ее за шею и громко чмокнул в распухшую щеку.

– Я люблю тебя, Джиллиан.

– И я тебя люблю.

– Теперь мне есть чем тебя защитить.

– Значит, отныне ты мой покровитель? – улыбнулась Джиллиан.

– Не-е-т, – протянул он.

– Почему?!

– Да потому что я еще маленький. Но знаешь что?

– Что?

– Я найду его тебе.

– Защитника?

Алек торжественно кивнул.

– Не нужен мне никто, – вздохнула Джиллиан.

– Очень даже нужен. Попросим Бродика!

– Того злющего? – лукаво усмехнулась Джиллиан.

Алек энергично закивал.

– Не стоит, пожалуй, – тихо рассмеялась она.

– Нет, только его, – решительно заключил малыш. – И знаешь почему?

– Почему?

– Ты в нем нуждаешься.

Глава 4

Новость пришлась им не по вкусу, а проще говоря, взбесила. Четверо отборных стражников лэрда Бьюкенена окружили молодого воина из клана Макдоналдов, возвышаясь над ним, словно ангелы мщения, пока он дрожащим голосом объяснял, зачем явился. Трое закаленных вояк лишились дара речи. Эрон, Роберт и Лайам, кроме того, были возмущены до глубины души предполагаемым наглым обманом со стороны лэрда Макдоналдов. Всякий в клане Бьюкененов знал, что последний был настоящим лживым, подлым и коварным сукиным сыном, ни одному слову которого нельзя верить.

Однако четвертый, Дилан, был иного мнения. И хотя также считал лэрда Макдоналдов лживым, подлым и коварным сукиным сыном, все же сообщение настолько его заинтриговало и позабавило, что он горел желанием услышать подробности.

Эрон, самый языкастый из всех, покачал головой и потребовал, чтобы посланник повторил каждое слово.

– Но я уже все сказал, – воспротивился молодой солдат.

– Ну и не умрешь, если еще раз все растолкуешь. Молоть языком – это тебе не мечом махать на поле боя, – велел Эрон, угрожающе надвигаясь на беднягу, так что тот был вынужден вытянуть шею, чтобы взглянуть великану в глаза. Он и без того чувствовал себя затравленным кроликом. За спиной сторожил Роберт, дорогу заступил Дилан, а с боков подступили Эрон и Лайам. И все на голову выше его и одним щелчком могут раздавить!

Юноша повернулся к горлану и тщетно попытался отстраниться.

– Некая молодая леди велит вашему лэрду немедленно приехать за ней. Она ждет в церкви у перекрестка, что пониже владений Лена. Она утверждает... утверждает...

Но мрачное лицо воина, метнувшего на него грозный взгляд, отбило у парня охоту продолжать. Он повернулся к Дилану, отступил в напрасной попытке укрыться от его уничтожающего взора и наткнулся на воина, прозванного Черным Робертом.

– Мне велено передать ее слова Бродику, и только Бродику, – заупрямился он.

– Для тебя он лэрд Бьюкенен, – проворчал Лайам.

– Да-да, лэрд Бьюкенен, – поспешно заверил солдат. – Я забылся.

– Вот именно, – пробормотал Роберт.

Дилан выступил вперед, чтобы допросить гонца. За Бродиком уже послали, но тот еще не явился в парадный зал, поэтому командир отборного отряда стражников решил взять дело в свои руки. Заметив, что Макдоналд насмерть перепуган, он заложил руки за спину в знак того, что не причинит ему зла, и стал нетерпеливо дожидаться, пока к тому вернется самообладание.

– Продолжай, – разрешил он.

– Леди заявила, что она его нареченная, – выпалил молодой человек и сжался, словно ожидая удара. – И требует, чтобы ваш лэрд отвез ее к себе домой и отвел подходящие ее рангу покои.

Роберт подтолкнул локтем посланника, желая всего лишь привлечь его внимание, но при этом случайно сбил с ног. Тот наткнулся на Дилана, который при этом не сдвинулся ни на дюйм, быстро выпрямился и обернулся к воину.

– Я не лгу, – заявил он. – Что мне было велено передать, то и повторяю.

– Как тебя зовут? – медленно выговорил Роберт. Сам он считал, что ничего такого особенного не спросил, и поэтому неподдельно изумился при виде побледневшего как полотно лица молодого человека.

– Хенли, – выпалил тот, радуясь, что хотя бы это сумел припомнить. – Хенли мое имечко.

Дилан, в свою очередь, потребовал внимания, подергав его за полу туники. Воин немедленно повиновался – так быстро, что даже голова закружилась. Да отстанут от него эти

гиганты? Хоть бы поскорее убраться отсюда! Хенли попытался было сосредоточиться на физиономии старшего, но трое остальных теснили со всех сторон.

– А почему Макдоналд прислал такого мальчишку? – презрительно поинтересовался Дилан.

Адамово яблоко на длинной шее Макдоналда судорожно прыгало вверх и вниз. Он не смел возразить, что давно уже стал взрослым.

– Мой лэрд посчитал, что молодой человек легче вынесет нрав вашего лэрда. Все мы видели, каков он в битве, и знаем об его удивительной силе. Многие клянутся, что одним взмахом меча он может уложить десяток врагов. Мы также слышали, что... сердить его... весьма неосмотрительно. Лэрд Макдоналд не стыдится признать, что испытывает перед ним благоговейный ужас.

– Благоговейный ужас, говоришь? – улыбнулся Дилан.

Хенли кивнул.

– Мой лэрд сказал также, что Бродик...

Лайам бесцеремонно толкнул посланника, так что тот врезался в Роберта. Воин даже не поморщился, но Хенли показалось, что он ударился о каменную стену. Молодой человек покорно повернулся к Лайаму, всем сердцем желая, чтобы эти чудовища просто окликали бы его, вместо того чтобы играть, как мячом.

– Бродик для тебя лэрд Бьюкенен, – напомнил Лайам.

– Именно так, – поспешно согласился Хенли.

– И что дальше? – вмешался Эрон.

Хенли услужливо повернулся налево.

– Мой лэрд сказал также, что лэрд Бьюкенен – благородный человек и не нападет на безоружного. Я пришел с пустыми руками.

Ему тут же пришлось развернуться вправо, чтобы ответить Дилану.

– А твой лэрд поведал, что Бродик еще и разумен и рассудителен?

Хенли понял, что скрыть правду не удастся.

– Нет, – промямлил он, – он утверждал нечто противоположное.

– Твоя искренность спасет тебе шкуру, – засмеялся Дилан.

Но тут вмешался Эрон, вынудив гонца повернуться кругом.

– Мы не убиваем посланцев, – изрек он.

– Кроме тех случаев, конечно, когда весть нам не понравится, – ухмыльнулся Роберт.

Хенли в который раз обернулся, чтобы ответить предводителю.

– Есть кое-что еще, и боюсь, вашему лэрду это не слишком понравится.

Господи, чем скорее он все выложит, тем быстрее освободится из этой ловушки и, если Спаситель сжалится над ним, будет уже на полпути домой, к тому времени как явится Бродик.

Лэрд, которого оторвали от ристалища, где он лично следил за учебой молодых воинов, отнюдь не обрадовался столь несвоевременному вызову, но, услышав, что прибыл гонец со срочным делом, немедленно зашагал к замку, ожидая услышать, что сын Йена Мейтленда наконец-то нашелся.

Однако Гауэйн, еще один из доверенных воинов, в прах развеял его надежды, сообщив, что на гонце плед Макдоналдов. Разочарование оказалось таким сильным, что Бродика ужалил бессильный гнев.

– Завтра мы вернемся к водопаду и еще раз все обобщем, – велел он Гауэйну. – И на этот раз будешь спорить со мной?

– Нет, я знаю, что это бесполезно, – покачал головой солдат. – Пока в сердце своем ты веришь, что парнишка жив, я всеми силами стану помогать тебе в поисках.

– А сам ты считаешь, что Алек утонул?

– По правде говоря, да, – устало вздохнул Гауэйн.

Бродик не стал осуждать друга за откровенность. Друзья молча продолжали подниматься в гору.

– Отец научил Алека плавать, – нарушил тишину Бродик.

– Но если парнишка ударился головой о камни – ведь мы сами видели на них кровь, – значит, потерял сознание и пошел ко дну. Течением унесло бы даже взрослого мужчину.

– Ни Йен, ни я не верим, что Алек погиб.

– Лэрд Мейтленд скорбит о сыне, – коротко бросил Гауэйн. – Со временем он смирится с его смертью.

– Ну уж нет. Пока тело не найдено, мы будем жить надеждой.

– Тебя только что назначили его защитником, – напомнил Гауэйн, – может, поэтому ты и слышать не желаешь о его смерти...

– Защитник, который не сумел уберечь питомца, – резко оборвал Бродик. – Мне следовало бы отправиться на празднество и глаз с него не спускать! Я даже не знаю, отдал ли Йен сыну мой клинок и знал ли тот... – Он тряхнул головой, вынуждая себя вернуться к суровой действительности. – Иди и замени меня на ристалище. Продолжай обучать воинов. Я присоединюсь к тебе, как только узнаю, что нужно Макдоналдам.

Ворота с шумом распахнулись, и по залу прошел холодный сквозняк. Услышав стук подкованных сапог по каменным плитам, Хенли прикрыл глаза. Охваченный паникой, бедняга нечеловеческим усилием воли удержался от бегства.

– Надеюсь, что дело действительно неотложное, иначе вам несдобровать, – предупредил Бродик, врываясь в зал. – Где посланец Макдоналдов?

Дилан кивнул в сторону небольшой группы людей.

– Отступите, дабы лэрд своими ушами услышал сие важное сообщение, – прогремел он, стараясь не улыбаться.

Бродик уставился на юношу, и того пробрала ледяная дрожь. Лэрд Бьюкененов оказался еще выше своих воинов. Настоящий великан! Руки и плечи бугрились мускулами, кожа загорела почти до бронзового цвета, длинные волосы золотились на свету. Он впился в Хенли взглядом, столь пронизывающе-зловещим, что бедняге показалось, будто он смотрит в глаза хищного зверя, который собрался им поужинать.

Да он и в самом деле попал в львиное логово, и помощи ему Господь, когда Бьюкенен узнает все!

Дилан уже успел запугать Хенли, но теперь, стоя рядом с лэрдом, он не выглядел таким уж грозным. Оба воина казались разными, как день и ночь. Черные как смоль волосы Дилана не доходили до плеч и, хотя ростом и мощью он не уступал лэрду, все же казался не столь неприступным.

– Я слушаю тебя, – бросил Бродик.

Хенли съезжился. Он обнаружил, что не способен выдержать взор лэрда, и поэтому, трусливо рассматривая носки сапог, повторил слово в слово все, что запомнил.

– Леди... она велела вам приехать за ней в церковь Святого Фомы, на перекрестке за владениями Лена, и еще леди... она... она требует, чтобы вы проводили ее в свой дом.

Он осмелился исподтишка взглянуть на Бродика, чтобы проверить, как тот отнесется к его заявлению, и тут же от души пожалел о своей неосторожности. При виде искаженной гневом физиономии лэрда кровь прихлынула к его щекам, и Хэнли серьезно испугался, что опозорит имя Макдоналдов, упав в обморок.

– Она? – спокойно переспросил Бродик.

– Выкладывай все, – потребовал Дилан.

– Ваша невеста! – выпалил Хенли. – Эта леди – ваша нареченная.

– Женщина утверждает, что обручена со мной?

– Ну да, – кивнул Хенли.

– Черта с два! – взвыл Дилан.

– Нет, я только хотел сказать, что она утверждает... приказала передать эти слова. Лэрд, вы недовольны известием?

Хенли затаил дыхание в ожидании ответа. Несчастный свято верил тем слухам, что ходили о Бродике, и считал, что его собственная участь висит на волоске.

– Это будет зависеть от женщины, – вмешался Эрон. – Не знаешь, она хорошенькая?

И тут Хенли осмелился не просто противоречить воину. Его обуял гнев. Настоящий гнев.

– Она не какая-то там женщина, – возмутился он. – Леди. Настоящая благородная леди.

– И как же зовут эту благородную леди? – ехидно справился Роберт.

– Бьюкенен. Она называет себя «леди Бьюкенен», – сообщил Хенли и, набрав в грудь побольше воздуха, добавил: – Должно быть, она жена твоего лэрда, ибо красивее ее я в жизни не встречал. И кроме того, она не кривит душой, это сразу видно.

– Да, как и то, что дама вскружила тебе голову, – съязвил Эрон. – Но что возьмешь с мальчишки!

Но Хенли пропустил его слова мимо ушей.

– Могу я говорить свободно и поведать все, что произошло? – обратился он к лэрду. Тот кивком дал разрешение, и Дилан не преминул вставить:

– Смотри, только правду, и ничего больше.

– Только правду, – подтвердил юноша. – Я возвращался домой с Шотландской низменности, когда меня остановил незнакомец, по виду простой фермер. А выговор у него оказался английским. Я очень удивился, поскольку для англичанина неслыханное дело – оказаться в сердце Шотландских гор одному и без разрешения короля. Я посчитал его наглцом, но вскоре раскаялся в поспешном суждении, узнав о благородном деянии.

– Интересно, в чем оно заключалось? – фыркнул Эрон.

– Он и его брат охраняли леди.

– Всего двое на такое сокровище? – ухмыльнулся Роберт. Но Хенли снова проигнорировал укол и приготовился с честью вынести бурю, которая, несомненно, разразится, едва лэрд узнает самое худшее.

– Лэрд, ваша нареченная – англичанка.

Лайам, самый спокойный из всех, испустил такой вопль, что Хенли втянул голову в плечи. Роберт пробормотал грязное ругательство, Эрон брезгливо покачал головой, а Дилан поморщился. Лишь на Бродика открытие не произвело ни малейшего впечатления. Он поднял руку и властно велел посланцу продолжать.

– Сначала я ничего не знал о леди. Англичанин назвался Уолдо и пригласил меня разделить с ним скудный ужин. Он объяснил, что сам старый лэрд позволил ему пересечь владения Лена и что он состоит в родстве с кланом по линии жены. Я поверил, так как у него не было причин лгать, а я к тому же устал и проголодался. Для англичанина он казался неплохим парнем. Когда мы поели, он принялся выспрашивать меня о северных кланах и попросил нарисовать палочкой на земле, где они живут. Похоже, он немало узнал о них.

– И какими же кланами он интересовался? – напряженно спросил Бродик.

– Синклерами и Макферсонами. Но он особенно хотел допытаться, как попасть во владения Мейтлендов и ваши. Теперь-то я нахожу это подозрительным, но фермер, похоже, расстроился, узнав, как долго добираться до Мейтлендов. Однако он заулыбался, когда я сказал, что ваши земли граничат с владениями Синклеров и что оттуда недалеко и до Мейтлендов. Мне следовало бы осведомиться, почему это так его радует, но я не догадался.

– Но хоть додумался спросить, зачем ему кланы? – буркнул Дилан.

Хенли безошибочно распознал первые признаки грозы.

– Додумался. Уолдо ответил, что хотел узнать, кто из лэрдов позволит ему пройти через их территории. Я посоветовал ему не тратить времени, ибо ни один не позволит и шагу ступить на свои земли.

– А когда он сказал тебе о женщине? – допытывался Эрон.

Хенли посмел еще раз поправить воина:

– Она леди.

Эрон закатил глаза к небу.

– Это по-твоему. Позволь уж мне самому судить.

– Не отвлекайся, – нетерпеливо бросил Дилан.

– После того как я нарисовал карту, он справился, знаю ли я воина по имени Бродик.

– Для тебя он лэрд! – рявкнул Лайам.

Хенли поспешно кивнул.

– Я всего лишь повторяю слова фермера. Он назвал вашего лэрда Бродиком. Я, конечно, понял, о чем он толкует, и объяснил, что Бродика следует величать лэрдом. Он много расспрашивал о вас, лэрд, но больше всего хотел удостовериться... благородны ли вы... Я заверил его, что вы – человек чести, и только тогда он назвал истинную причину, приведшую его в горы. Объявил, что сопровождает вашу невесту.

– И тут появились воины ее отца?

– Нет, – покачал головой Хенли. – Оказалось, что, кроме Уолдо и его брата, леди никого с собой не взяла, а они слишком стары, чтобы выполнять столь нелегкие и ответственные обязанности. Я поискал, нет ли кого еще, но так и не нашел.

– Какой отец пошлет свою дочь в опасную дорогу с двумя стариками? – удивился Эрон.

– Больше никого, – настаивал Хенли. – И пусть им уже под пятьдесят, они сумели доставить ее во владения Лена и, согласитесь, довольно далеко углубились в горы. Братья просто-таки трясутся над ней. Не позволили мне даже увидеть ее, сказали лишь, что она в церкви. И послали меня к вам с обещанием, что вы меня щедро одарите. Но мне ничего не нужно, ибо свою награду я уже получил.

– И что же это? – не выдержал Роберт.

– Я видел леди и говорил с ней. Никакие сокровища не заменят мне тех минут.

Лайам громко хихикнул, но Хенли равнодушно пожал плечами.

– Смейтесь сколько угодно, вот встретитесь с ней и сами все поймете.

– Ну-ка, расскажи о ней, – велел Эрон.

– Она окликнула меня из открытого окна, когда я проходил мимо. Нужно было сначала отправиться за разрешением к лэрду, хотя, честно говоря, я надеялся, что такое важное задание поручат другому: уж очень опасался появляться здесь.

– К делу! – рявкнул Дилан, которого так и раздирало от любопытства. Ему не терпелось понять, как относится ко всему этому лэрд. Однако тот не выказывал никаких чувств, и вид у него при этом был самый безразличный, словно ему не было никакого дела до англичанки, имевшей наглость назваться невестой шотландца.

Хенли смущенно откашлялся.

– Леди позвала меня, вот я и прыгнул с лошади и поспешил к окну, прежде чем Уолдо и его братец меня остановят, – уж очень интересно было узнать, что она скажет мне, да и посмотреть на нее не мешало.

Посланец на секунду смолк, припоминая живейшие детали их встречи, и на глазах изумленных свидетелей превратился из испуганного зайчишки в человека, пораженного любовью. Даже голос сделался мечтательно-нежным.

– Я увидел ее так же ясно, как вас, и подошел достаточно близко, чтобы коснуться прелестной ручки.

– И коснулся? – обронил Бродик мягким и оттого еще более пугающим тоном.

Хенли лихорадочно замотал головой.

– Я никогда не осмелился бы на такую дерзость. Но кто-то жестоко оскорбил и обидел вашу невесту, лэрд. С ней грубо обращались. Одна сторона лица распухла и покрыта синяками, и руки тоже. Левая забинтована от локтя до запястья, и на белом полотне пятна крови. Я хотел спросить у несчастной леди, как все случилось, но слова застряли в горле, а язык не слушался. А в пленительных зеленых глазах, цвета весенней травы на склонах гор, плескались боль и усталость. Я не мог оторвать от нее взора, – признался юноша, краснея. – В ту минуту мне казалось, что вижу ангела. – И, обращаясь к Эрону, добавил: – Ты спросил меня, красива ли она, но это слово не воздаст должного нареченной лэрда Бьюкенена. Леди... она прекрасна, да, истинный ангел... само совершенство... клянусь.

Лицо посланца пылало огнем, голос дрожал.

Бродик стиснул губы, чтобы скрыть презрение к мальчишке. В самом деле ангел! Ангел, который не стесняется бесстыдной лжи.

– Ты описал прелести леди только своему лэрду или всему клану? – осведомился он.

– Всему, – вздохнул Хенли. – Но не слишком распространялся.

– Почему? – встрял Роберт.

Хенли остерегся поворачиваться спиной к лэрду Бьюкенену. Это наверняка расценят как оскорбление. По этой причине он ответил, не глядя на Роберта.

– Знал, что они наверняка попробуют ее похитить, если узнают правду. Я объяснил лэрду всего лишь, что англичане просили меня передать тебе, что настало время приехать за невестой. Мой лэрд, ни о чем больше не расспрашивая, повелел отправляться к тебе.

– Болчер расспрашивал тебя? – насторожился Дилан.

– Ну да.

– И что ты ему сказал? – подступил Роберт.

– Он хотел узнать, в горах ли сейчас дама, и я не смог да и не хотел ему лгать. Но при этом не поведал, где именно она скрывается, поскольку дал ей слово, что только вам открою ее убежище.

– Значит, все-таки соврал Болчеру? – ухмыльнулся Дилан.

– Вовсе нет, – оправдывался Хенли. – Сболтнул только, что она неподалеку от владений Лена, и не упоминал про церковь.

– Значит, вполне возможно, Болчер уже мчится за женщиной Бродика, – пробормотал Эрон.

– С меня не взяли клятву молчать, так что могу лишь подтвердить ваши предположения. Болчер, вне всякого сомнения, рыщет по владениям Лена в поисках леди. Все в горах ведают, как страстно он желает взять над вами верх, лэрд, и если сумеет похитить вашу невесту...

– Он посмеет протянуть лапу за тем, что принадлежит нам? – взорвался Лайам, взбешенный подобной возможностью.

– Если хотя бы один из Макдоналдов дотронется до нее, умрут все, – объявил Роберт под хор согласных возгласов остальных.

– Вы так и не поняли, в чем дело! – воскликнул Хенли. – Да стоит моим родичам узреть ее, и им не страшна ярость вашего лэрда. Страсть к этой даме затуманит их головы.

Эрон схватил незадачливого юношу за шиворот.

– И ты был ослеплен? – прошипел он.

– Это чистая правда.

– Но не посмел и пальцем коснуться? – вставил Дилан.

– Я только что подтвердил это вашему лэрду. Кроме того, даже не будь она чужой невестой, я не обесчестил бы ее попыткой взять за руку. Она самая восхитительная, чистая и невинная из всех женщин мира.

– Плевать Болчеру на честь и рыцарство, – пробормотал Роберт.

Дилан раздраженно нахмурился. С чего это Роберт, Эрон и Лайам так внезапно превратились в пламенных защитников дамы?

– Всего пять минут назад вы были так же возмущены, как я, – фыркнул он, – откуда вдруг такие перемены?

– Макдоналды, – коротко бросил Роберт.

– Особенно Болчер, – поддакнул Эрон.

– Леди принадлежит Бродику, и никто иной ее не получит, – заключил Роберт.

Разговор принимал столь чудовищно-смехотворный оборот, что Бродик счел нужным вмешаться.

– Я не признавал ее своей невестой, – напомнил он, сухо улыбнувшись.

– Но она считает тебя своим нареченным, – возразил Лайам.

– И что из этого? – вскинулся Дилан.

Прежде чем кто-то успел ответить, Бродик повелительно вскинул руку.

– Я задам посланцу последний вопрос и хотел бы услышать ясный ответ.

– Да, лэрд? – пролепетал Хенли, снова задрожав.

– Ты упоминал, что она подозвала тебя к окну, но так и не открыл, какие слова она велела мне передать.

– Потребовала...

– Потребовала? – перебил Эрон.

И тут Хенли впервые за все время набрался мужества улыбнуться.

– Нет, скорее приказала.

– Она отдает мне приказ? Мне? – не выдержал Бродик, потрясенный дерзостью неизвестной особы.

Хенли набрал в грудь воздуха, от души надеясь, что этот вздох не окажется последним, и выпалил:

– Она велит вам поспешить.

Глава 5

Джиллиан обуревали сомнения. Так ли уж хорош их необдуманный план? Вот уже почти сутки они с Алеком сидят в заброшенной церкви. Вполне достаточный срок для лэрда, если он, разумеется, склонен явиться за невестой. Чувствовала она себя ужасно и отчетливо сознавала, что, если сядет, вряд ли найдет в себе силы подняться, поэтому нетерпеливо топталась в главном проходе, обдумывая, что предпринять.

– Нам придется скоро уходить, – сообщила Джиллиан мальчику. – Дольше задерживаться опасно.

Алек устроился на скамье и подобрал под себя ноги.

– Ты, похоже, заболела, Джиллиан? – предположил он, рассматривая девушку.

– Нет, – солгала она, – просто устала.

– А я голоден.

– Ты же только поел!

– Но потом меня стошнило.

– Потому что заглатывал, не прожевывая, – попеняла она, направляясь в глубь церкви, где оставила торбу и корзинку с едой, украденной ее верными друзьями, братьями Хатуэй. Выглянув из окна, она увидела Генри, расположившегося на полянке.

– Кто там? – подскочил Алек.

– Хатуэй, – вздохнула девушка. – Уж и не знаю, что бы мы без них делали. Много лет назад именно они помогли мне добраться до дядиного дома. Храбрые и верные помощники. Не задумываясь придут на помощь в любую минуту. Нужно придумать способ отплатить за добро. – И, вручив Алеку толстый ломоть хлеба с куском сыра, наказала: – На этот раз ешь помедленнее.

Алек запустил зубы в сыр и, громко чавкая, пробормотал:

– Дядя Бродик скоро приедет?

– Веди себя прилично. Некрасиво говорить с полным ртом.

– Знаешь что? – начал он, не обращая внимания на упрек.

– Ну что тебе, надоеда?

– Нам нельзя уезжать, потому что дядя Бродик рассвирепеет, если не найдет нас. Нужно ждать.

– Дадим ему час, но ни минутой больше, – решила Джиллиан. – Хорошо?

– Ненавижу ждать, – кивнул мальчик.

– И я тоже, – поддакнула она.

– Джиллиан, а что будет, если ты не найдешь сестру?

– Найду, – заверила девушка. – Должна.

– А шкатулку? Ее тоже следует отыскать. Я слышал, что говорил барон.

– Шкатулка исчезла много лет назад.

– Но ты сама сказала, будто знаешь, где она, – возразил Алек.

– Это неправда. Просто я не могла придумать ничего иного, чтобы он оставил тебя в покое. Отец действительно отдал шкатулку сестре. Но произошла беда...

– Зачем барону вообще эта старая шкатулка?

– Она бесценна. И кроме того, служит ключом к разгадке убийства, случившегося много лет назад. Хочешь послушать эту историю?

– Она страшная?

– Немного.

– Вот здорово! – обрадовался малыш. – Люблю страшные сказки!

– Так и быть, слушай, – улыбнулась Джиллиан. – Задолго до того, как Иоанн стал королем...

– Когда он был принцем?

– Именно. Он страстно влюбился в юную леди по имени Арианна. Говорят, она была прекрасна.

– Даже лучше тебя?

Застигнутая врасплох, Джиллиан недоуменно уставилась на мальчика.

– Ты считаешь меня прекрасной?

Тот кивнул.

– Спасибо, Алек, но прелестнее Арианны не было во всем королевстве. Ее золотистые волосы сверкали и переливались на солнце...

– Она заболела и умерла? – вставил мальчик.

– Нет, не заболела, но действительно умерла.

– Вскочила, схватила за сердце и упала, как Энгус?

– Нет, она...

– Тогда что же с ней стряслось?

– Ты бы узнал все куда скорее, если бы не перебивал меня, – засмеялась Джиллиан. – Так о чем я? Ах да, принц Иоанн был повергнут красавицей в прах.

– Что такое «повергнут»?

– Он был ею очарован. То есть она пришлась ему по душе. – И, видя, что он снова собирается прервать ее, поспешно объяснила: – Она стала его первой истинной любовью, и он собирался жениться на ней. Ты когда-нибудь слышал о шкатулке святой Коломбы?

– Нет, – удивился мальчик. – А что это?

– Усыпанная драгоценностями шкатулка, принадлежавшая шотландцам. Давным-давно чудотворные мощи святой Коломбы положили в ящичек...

– Что такое «мощи»?

– Кусочки костей, – терпеливо пояснила Джиллиан. – Итак, как уже было сказано, мощи хранили в ящичке, и шотландские воины брали его с собой в битвы.

– Зачем, спрашивается, им нужно было тащить какие-то кости в сражения?

– Они верили, что это принесет им победу над врагами.

– Так и было?

– Думаю, да. Кроме того, шкатулку берут далеко не всякий раз, – добавила девушка. – Только в особых случаях.

– А откуда тебе об этом известно? – придирчиво осведомился мальчик.

– Дядюшка Морган рассказывал.

– Бьюсь об заклад, это равнинные трусы придумали, а не горцы, – фыркнул малыш.

– Почему это?

– Потому что горцам никакие мощи не нужны. Они и так храбрее и всегда побеждают! Знаешь, что говорит мой дядя Эннис?

– Нет, но предполагаю, что это, как всегда, нечто невыносимое.

– Он говорит, что, если англичане видят больше трех горцев, бросают мечи и бегут куда глаза глядят, как напуганные кролики.

– Не все англичане походят на барона. Многие – смелы и отважны, – возразила Джиллиан. Но Алеку было совсем не интересно слушать похвалы англичанам.

– Лучше поведай, что случилось с хорошенькой девушкой и королем Иоанном? – потребовал он, сплюнув. Джиллиан предпочла не обращать внимания на грубую выходку.

– Иоанну понравилась история шотландской шкатулки, и он решил создать свою легенду.

Уполномочил ювелира...

– Что означает «уполномочил»?

– Приказал ювелиру, – поправились Джиллиан, – сделать чудесную, усеянную драгоценными камнями шкатулку. Кроме того, считая себя очень умным и хитрым, он повелел придумать столь хитрый замочек, что никто, кроме него, не проведет бы, как его открыть. Целый год ушел на то, чтобы изготовить шкатулку, и говорят, равной ей не находилось. Невозможно даже было сказать, где верх, а где низ, потому что ни один человек не мог заметить в дереве ни скважины, ни углублений, ни канавок. И запоров тоже вроде бы не имелось. Поверхность пересекали полоски золота, а между ними красовались сапфиры, синие, как небо в солнечный день, изумруды, зеленые, словно...

– Твои глаза? – подсказал ребенок.

– И рубины, ярко-красные рубины...

– Цвета крови?

– Возможно, – пробормотала Джиллиан. – И только Иоанн знал, куда нажать, чтобы шкатулка открылась.

– Неправда! Тому, кто ее сделал, тоже все было известно.

– Именно это понял Иоанн, – вздохнула девушка. – И поэтому совершил страшное преступление. Приказал казнить мастера.

– А потом король...

Мальчик снова презрительно сплюнул.

– ...Король убил красавицу, чтобы сунуть ее кости в шкатулку?

– О нет, шкатулка была слишком мала, и, кроме того, он просил всего лишь прядь ее волос, уверенный, что это принесет ему удачу в сражениях. Он открыл шкатулку, поместил туда кинжал с золотой рукоятью. И приказал оруженосцу отнести все это в покои леди Арианны с настоящим пожеланием положить туда золотистый локон.

– И что вышло?

Леди Арианна впустила посланника. Тот вошел в комнату, поставил шкатулку на стол и удалился. Позже он твердил, что, кроме дамы, в спальне никого не было, даже камеристки.

– Я знаю, что она сотворила. Стянула и шкатулку, и кинжал, верно?

Джиллиан невольно усмехнулась. Что за выдумщик!

– Нет, дорогой, все было не так. Если верить оруженосцу, тот слышал, как скрипнул засов. Позже оруженосец вернулся за шкатулкой, но на стук никто не ответил. Тогда Иоанн сам отправился к леди.

– Она впустила его?

– Нет.

– Значит, велела убираться?

– Нет, – повторила девушка. – Из комнаты не доносилось ни звука. Иоанн славился своей нетерпимостью. Он мгновенно пришел в ярость, посчитав, что она отказывается принять его, и скомандовал страже ломать дверь. Они принялись орудовать боевыми топорами. Иоанн ворвался в покои бедняжки и нашел ее мертвой. Леди Арианна лежала на полу в луже крови. Кто-то вонзил ей клинок прямо в сердце.

– И тогда Иоанн собрал ее кости в шкатулку?

– Нет, я же говорила, шкатулка была слишком мала, чтобы их вместить. К тому же ни шкатулки, ни кинжала на месте не оказалось. Они исчезли, – развела руками Джиллиан.

– Куда?

– В этом и кроется страшная тайна.

– А кто убил красивую даму? – прошептал Алек.

– Тоже не известно. Иоанн перевернул все королевство в поисках шкатулки, но она словно растворилась. Король считает, что украл ее убийца его возлюбленной. Дядюшка Морган сказал, что время от времени возникает слух, будто шкатулку Арианны видели то в одном,

то в другом месте и король возобновляет попытки найти ее. Он даже предложил несметные сокровища тому, кто обнаружит, где она, но по сей день никто не явился за наградой.

– А знаешь что?

– Что?

– Лучше уж лежать в могиле, чем стать женой короля Иоанна! – объявил с важным видом Алек, в очередной раз сплюнув.

– Почему ты так себя ведешь?

– Приходится, – пояснил мальчик. – Этим мы показываем, чего он стоит в наших глазах. Джиллиан не знала, возмущаться или смеяться.

– Ты хочешь сказать, что горцы каждый раз плюются при упоминании имени короля?

– Некоторые ругаются, только мне мама не велит, – признался мальчик.

– Слава Богу и за это.

– Бродик сыплет проклятиями каждый раз, когда речь идет о короле. Ты прикажешь ему замолчать? – хихикнул Алек, очевидно, искренне забавляясь.

Джиллиан, тоже развеселившись, легонько щелкнула его по носу.

– Ты настоящий проказник! Куда деваться от твоих хитрющих вопросов?

– Но ты приказала бы ему замолчать? – настаивал мальчик.

Джиллиан подняла глаза к небу.

– Разумеется, если при упоминании имени короля он тоже начнет плевать или говорить гадости.

– Тебе придется сильно пожалеть, если вздумаешь им командовать, – разразился смехом мальчик. – Хотелось бы мне, чтобы он поскорее приехал за нами.

– Мне тоже.

– Зря ты не послала кинжал, как намеревалась. Почему передумала?

– Если бы я так сделала, он сразу понял бы, по какой причине я спешу его увидеть, но мне не хотелось рисковать. Вдруг кто-то еще увидел бы кинжал? Не знаю, кому здесь можно доверять.

– Но ты же видела изменника, когда тот скакал к замку, – напомнил Алек. – Сама говорила, что наблюдала за ним с вершины холма, пока я спал.

– Да. Но я же говорила, что никто не должен знать об этом.

– Даже Бродик?

– Даже он.

– И сколько нам еще ждать?

Девушка погладила его по руке.

– По-моему, это бесполезно. Он не приедет за нами. Но не тревожься, я найду способ доставить тебя домой.

– Потому что ты пообещала, верно? – с надеждой прошептал Алек.

– Вот именно. О чем только я думала? Сказать Макдоналду, что я невеста Бродика!

– А вдруг Бродику нужна невеста? Вот он и явится!

– Лучше бы я предложила ему золото.

– Бродику золото ни к чему, – фыркнул мальчик.

– Что же, это к лучшему, потому что у меня нет и медяка.

Малыш удивленно вытаращился на нее:

– Ты не побоялась бы солгать Бродику?!

– Назвалась же я его нареченной!

– Он здорово разозлится. Но я не позволю ему кричать на тебя.

– Спасибо. А ты? Ты больше не сердишься на меня?

– Сердился, – кивнул Алек. – Но теперь уже нет.

– Пойми, от тебя просто воняло. Искупаться было необходимо!

- Бродик подумает, что ты хорошенькая, но знаешь что?
- Что?
- Он тебе этого не скажет. А ты хочешь, чтобы он посчитал тебя красивой?
- Не особенно, – пожалала плечами Джиллиан, очевидно, размышляя о куда более важных вещах. – Нам пора, Алек. Придется идти одним. Доедай – и в путь.
- Но если не желаешь понравиться Бродику, зачем переоделась в новое зеленое платье? Джиллиан вздохнула. Ну что с ним поделать? Засыпает ее возмутительными вопросами и не отстает, пока не получит вразумительного, по его мнению, ответа.
- Да потому, что прежнее испачкалось.
- Алек прожевал хлеб, явно обдумывая ее слова, и наконец прочавкал:
- Знаешь что?
- Нет, – терпеливо откликнулась Джиллиан.
- Ты испугаешься Бродика.
- Интересно почему?
- Потому что все дамы его боятся.
- Только не я, – возразила Джиллиан. – Перестань болтать и ешь.
- Раздался стук, и в церковь влетел Уолдо Хатуэй.
- Беда, миледи! – завопил он. – Воин Макдоналдов... тот самый, кому я дал поручение...
- Хенли?
- Он самый... должно быть, разболтал остальным, где вы, потому что через луг скачут человек тридцать, и все в таких же пледах, как Хенли, но только его среди них как раз и нет.
- Не понимаю, – пожалала плечами девушка. – Я ни словом не обмолвилась Хенли об Алеке. Что они тут делают?
- Наверное, примчались за вами, миледи.
- За мной? – растерялась она. – Зачем я им нужна?
- В этой стране все по-другому, – устало вздохнул Уолдо. – Если они пожелают чего-то, значит, просто берут... или крадут. Считают, что так и надо.
- Девушка схватила Алека за руку.
- Мы немедленно уходим. Уолдо, сходи за братом и жди нас в том месте, где привязаны лошади. Поспеш.
- Но, миледи, – возразил фермер, – это еще не все. На противоположной стороне луга показались всадники из другого клана. Они несутся навстречу Макдоналдам. Не знаю точно, кто они такие, но думаю, что это Бьюкенены, за которыми вы посылали. Их всего девять.
- Куда меньше, чем Макдоналдов. Если это Бродик и его воины, я им не завидую.
- Ошибаетесь, миледи, на вашем месте я пожалел бы Макдоналдов. Никогда не видел таких свирепых вояк. Настоящие дикари! Если сегодня и прольется кровь, то только кровь Макдоналдов. Недаром они сразу остановились и попятились. Уверены, что готовы отдать свою судьбу и участь мальчика в руки этих чудовищ?
- Джиллиан не знала, что ответить. Ее охватила паника такой силы, что сердце, казалось, вот-вот остановится.
- Надеюсь, что это Бродик и его люди, – прошептала она.
- Алек попытался вырваться, явно намереваясь выбежать наружу и понаблюдать за сражением, но девушка успела крепче стиснуть пальцы.
- Уолдо, ты и Генри должны немедленно исчезнуть до их появления. От всей души благодарю вас за то, что вы сделали для меня и Алека. Скорее, пока вас не заметили.
- Уолдо сокрушенно покачал головой.
- Мы с братом с места не сдвинемся, пока не удостоверимся, что с вами все в порядке, миледи. Лучше мы станем на страже у дверей. Им придется сначала прикончить нас, прежде чем они доберутся до вас.

Джиллиан пыталась урезонить старика, но так и не сумела отговорить от того, что Уолдо считал благородным деянием и своим долгом. Едва он вышел, она обратилась к Алеку.

– Скажи, как выглядит Бродик, – потребовала девушка.

– В точности как Бродик, – пожал плечами мальчишка.

– Но какой он?

– Большой, – прошептал Алек и радостно улыбнулся, вспомнив еще кое-что. – И старый.

– Старый?

– Ну да. Ужасно старый.

Джиллиан недоверчиво уставилась на мальчика.

– Какого цвета его волосы?

– Белого!

– Ты уверен? – допытывалась она.

– Ну да. И знаешь что?

Сердце Джиллиан упало и покатилося куда-то.

– Что?!

– Он глуховат.

Джиллиан была вынуждена сесть, потому что ноги подкосились.

– Почему ты раньше не сказал? Известие о том, что прибыла его невеста, должно быть, едва не свело его в могилу!

Она вскочила и потянула за собой Алека.

– Мы уходим.

– Но как насчет Бьюкененов?

– Очевидно, что тот, другой клан – вовсе не они. Уолдо непременно сказал бы мне, что видел старика.

– Я хочу посмотреть и точно скажу, Бьюкенены ли это.

Дверь снова распахнулась.

– Макдоналды повернули коней и удрали, миледи! – прокричал Уолдо. – Другие всадники приближаются!

Джиллиан схватила мальчика за плечи и хорошенько тряхнула.

– Я хочу, чтобы ты спрятался за каменной купелью и не смел показываться, пока я не выясню, кто эти люди. И молчи как рыба, Алек. Обещаешь? Пожалуйста...

– Но...

– Обещай, – настаивала девушка.

– Но можно мне выйти, если это Бродик?

– Только после того, как я поговорю с ним и возьму клятву помочь нам обоим.

– Так и быть, – согласился мальчик. – Буду сидеть тихо.

Джиллиан так обрадовалась, что поцеловала его в щеку. Алек немедленно вытерся и стал вырываться из объятий.

– Вечно ты лижешься, – пожаловался он с широкой улыбкой, противоречившей его словам. – Совсем как мама.

– Прячься, – велела она, отводя его в глубь церкви. Он схватился за ее левую руку, и девушка поморщилась. Ножевые раны не зажили, и, судя по тому, что раны дергало, а Джиллиан лихорадило, дело было плохо.

Алек увидел, что ей больно.

– Нужно, чтобы мама тебя полечила, – прошептал он. – Тогда сразу станет легче.

– Наверное. Смотри же, Алек, ни единого слова, – предупредила она. – Что бы ни случилось. Можно мне взять кинжал, который тебе подарил Бродик?

– Но он мой.

– Знаю. Просто хочу позаимствовать на время.

Алек отдал кинжал, но стоило девушке отступить, как он жалобно прошептал:

- Здесь ужасно темно.
- Я здесь, с тобой, так что бояться нечего.
- Я слышу топот копыт.
- Я тоже, – шепнула она.
- Джиллиан, ты боишься?
- Очень. А теперь замолкни.

Она почти побежала по центральному проходу и встала перед алтарем. Мгновение спустя Уолдо громко приказал кому-то остановиться. Очевидно, на него не обратили внимания, потому что дверь с грохотом растворилась и на пороге возник гигантского роста воин, едва умещавшийся под притолокой, с длинными почти белыми волосами до плеч и загорелой до черноты кожей. И к тому же полуголый! Потертый плед не доходил до колен. Широкая полоса ткани, перекинута через левое плечо, едва прикрывала исполосованную шрамами грудь. Из сапога оленьей кожи высовывалась рукоятка кинжала. А вот меча при нем не оказалось.

Мужчина еще не сделал ни одного шага, а Джиллиан уже трясло от ужаса. Он ухитрился отсечь даже солнечный свет, хотя тоненькие лучики пробивались сквозь золото волос, окружая его голову сияющим ореолом. Джиллиан незаметно сунула клинок в рукав платья и благонаравно сложила руки, пытаясь уверить его в чистоте и невинности своих намерений.

Незнакомец несколько мгновений стоял неподвижно, обшаривая церковь пристальным взглядом, и, убедившись, что девушка одна, чуть наклонил голову, ступил внутрь и захлопнул за собой дверь.

Глава 6

Бродик направился к ней, тяжело ступая по камням. От грохота сапог вздрагивали потолочные балки и сверху сыпались комья грязи. Джиллиан храбро встретила его взгляд, не собиравая отступать. К счастью, он остановился в нескольких шагах и, сцепив руки за спиной, принялся беззастенчиво ее изучать. Медленно, неторопливо, с головы до пят. Он, очевидно, не спешил и, закончив свой грубый осмотр, вопросительно уставился ей в глаза. Выжидает, пока она заговорит первой?

Но она давно приготовилась к этой минуте и накрепко затвердила свою речь. Прежде всего Джиллиан вежливо представится и справится, как его имя. Он, разумеется, назовется Бродиком, но не стоит верить на слово. Пусть сначала ответит на несколько вопросов и, если избежит искусно поставленных ловушек, значит, докажет свою правоту.

Да, она все продумала и сейчас начнет... вот только немного придет в себя. Почему-то при виде этого гиганта у нее язык отнимается и в голову не приходит ни единой мысли.

– Значит, утверждаешь, что ты моя невеста? Я не ошибся? – прогремел Бродик, быстро теряя терпение.

Лицо девушки запылало от стыда и унижения.

– Это я.

Бродик, пораженный такой прямоотой, поднял брови.

– Зачем это тебе?

– Я солгала.

– Очевидно.

– Обычно я...

– Что? – перебил он, гадая, отчего незнакомка так нервничает. Он стоит спокойно, убрав руки за спину, и отдал Дилану свой меч, перед тем как войти. Неужели она еще не поняла, что он не собирается причинить ей зла?

– Я почти никогда не говорю неправды, – пояснила она, искренне радуясь, что еще способна вспомнить, о чем идет речь. Хорошо, что она смотрит на его подбородок, – пронизывающий взор его глаз просто лишает рассудка.

– Ты не стар! – вырвалось у нее. – Мне сказали... что ты дряхлый старец с седыми волосами. – И девушка рассмеялась, окончательно убедив Бродика, что тот имеет дело с безумной. – Наверное, мне следует начать все по порядку. Меня зовут леди Джиллиан. Прости, что солгала, но это единственное, что могло заставить тебя пуститься в столь долгий путь.

– Не такой уж и долгий, – пожал плечами Бродик.

– Разве? – поразила девушка. – В таком случае молю, объясни, что тебя так задержало? Мы просидели в этой церкви целую вечность.

– Мы? – спокойно подчеркнул Бродик.

– Ну да. Братья Хатуэй... те, что стоят на страже, и я.

– Почему ты была так уверена в моем появлении?

– Любопытство, – отозвалась Джиллиан. – И я оказалась права, не так ли? Тебе очень хотелось узнать, в чем дело.

Легкая усмешка смягчила суровость черт его лица.

– Верно, – согласился он. – Интересно увидеть женщину, которая решилась на такую дерзость.

– Ты Бродик... то есть я хотела сказать – лэрд Бьюкенен?

– Он самый.

Лицо Джиллиан просияло. Услышав ее облегченный вздох, Бродик пожал плечами. Черт побери, Хенли не солгал. Она прелестна. Если на то пошло, у мальчишки не хватило слов, чтобы достойно описать ее красоту.

– Я собиралась испытать тебя, желая убедиться, что ты в самом деле тот, за кого себя выдаешь. Но одного взгляда оказалось достаточно. Видишь ли, мне поведали, будто ты способен свалить дерево одним взглядом, и, судя по тому, как ты грозно взираешь на меня, это так и есть. Ты грозен и ужасен... но что я болтаю, ты и сам все знаешь.

Бродик ничем не выдал своего отношения к похвалам.

– Чего ты хочешь от меня? – негромко обронил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.